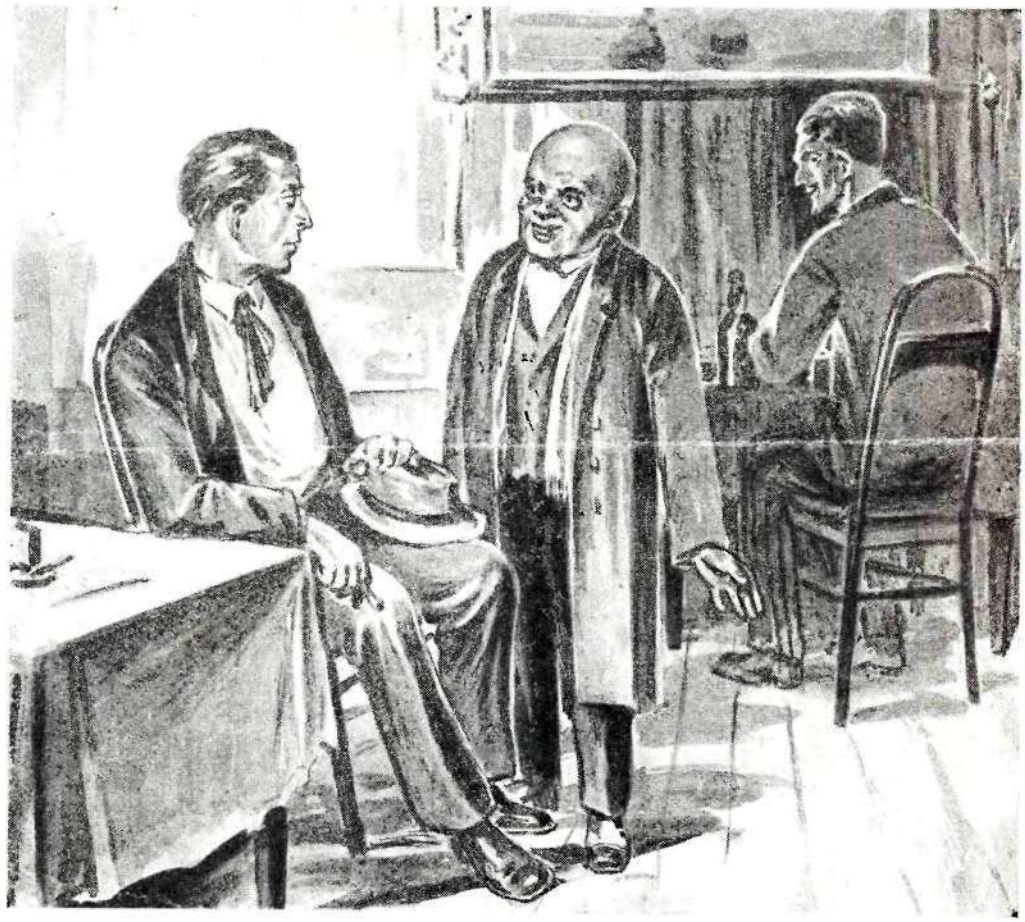
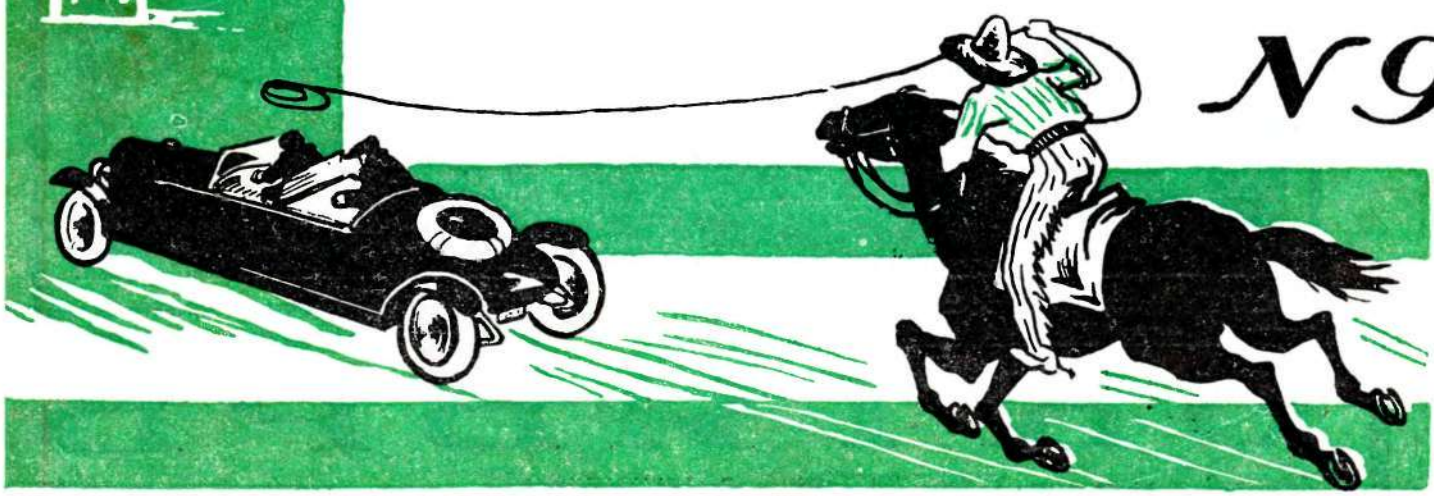
Цена 15 коп.

Вокруг Света





№ 9

ОКТЯБРЬ

100 КИНО-ТЕАТРОВ РСФСР
ОДНОВРЕМЕННО С 14-го МАРТА с. г.
ДЕМОНСТРИРУЮТ

ОКТЯБРЬ

ОКТЯБРЬ

Сценарий и постановка С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА и Г. АЛЕКСАНДРОВА — Глав. оператор Э. ТИССЕ

Производство Акц. О-во СОВКИНО

Вокруг Света

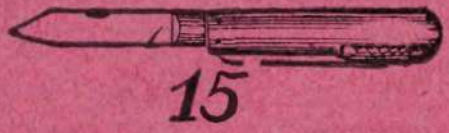
ИЗД-ТВО
КРАСНАЯ ГАЗЕТА

ПЕРВЫЙ
РОЗЫГРЫШ ПРЕМИЙ

28 марта 1928 г.

№ 5880

Ленинград, 2, Фонтанка, 57
Изд-во „Красная Газета"



Тип. «Красной Газеты». Зак. № 2618.

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Вокруг Света

№ 9

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Лгр., Фонтанка, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА".
Тлф. 175-38.

1928 г.
МАРТ
3

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Содержание: ***И. Ванин.*** *„В Индию".* — М. ***Зуев-Ордынец.*** ***„****Украденный Рембранд"* — С. ***Тарднер.*** *„Прицел".* — В. Л***евашев.*** ***„****Танк смерти"* — Л***есник.*** *„Волк"* — *А. Д. „Борьба водолаза с осьминагом".*

В Индию

Путевой очерк И. Ванина

I. СУЭЦКИЙ КАНАЛ.

... Только что утихла заунывная песня, под которую сотни полуголых арабов, вереницей взбегая по гнущимся сходням с угольной корзинкой на голове, насыщали прожорливое чрево нашего парохода. Резкий гудок и мы готовы к отплытию из Порт-Саида в Суэцкий канал. Палубы освобождаются от парусины, защищавшей их от угольной пыли. Протягивается двойная полотняная крыша для защиты от опасного тропического солнца.

Медленным ходом идем мы через Суэцкий канал, гигантский арык, рассекающий сплошные пески. Раза два жмемся к берегу в особо устроенных разъездах, чтобы дать пройти встречным судам. Ночью наш путь освещается прожектором. Есть что-то нереальное в этом ночном беге парохода; канала не видно, по обе стороны пустыня: не поставили-ли нас на колеса? Или мы несемся в воздухе, низко над землей?...

Канал узок настолько, что в Индию и на Дальний Восток нельзя посылать тех океанских громадин, которые беспрепятственно ходят в Америку. Да и сами английские военные дрэдноуты только с величайшими усилиями, как толстяк чрез узкий коридор, способны протиснуться из Средиземного в Красное море. Недаром Англия нынче так налегает на легкие крейсера: эти на много поворотливее и повсюду пролезут.

Короткая остановка в конце канала, в Суэце. Здесь виднеются громадные заводы по перегонке нефти, в порядочном количестве добываемой в Египте. Более современные, чем наш пароход, моторные судна быстро, без арабских завываний и туч угольной пыли, нагружаются здесь через шланг жидким топливом.

Вечернее небо прорезает пролет розовых длинноклювых фламинго. С подъехавших к борту лодок продают нам кораллы, куски тех самых коралловых рифов, которые окаймляют Красное море. Кораллы, тропики... новый мир! В течение 3-х недель мы будем плыть без остановки — в Индию!

II. В ОКЕАНЕ.

Жарища смертельная, как почти всегда в Красном море, узком водоеме между двух раскаленных пустынь. В каюте, где работает вентилятор, прохладнее, чем на палубе; в рубке духота всех хуже: белый костюм рулевого на моих глазах в две минуты весь пропитывается потом.

Команда на нашем пароходе состоит на три четверти из «ласкаров», индусов-моряков, привычных к жаре; но и они не в состоянии работать в кочегарке, где стоит чуть-что не 60°. Для этой каторги специально нанято несколько негров-сомалийцев, которые после двух часов работы в преисподней вылезают оттуда голышом и пластом валятся на палубу.

Ласкары все немного маракуют по английски. С одним мы разговорились, покуда он чистил поручни. У него семья в 6 человек в Мадрасском «мофуссиле» (пригородном округе); плавает он с 14 лет; мусульманин (индусы не идут в моряки, ибо покинуть, хотя-бы временно Индию, значит «потерять касту»); заработок он частью получил вперед и отдал семье; платят мало, раза в четыре меньше, чем белому матросу за ту-же работу. Попробовал коснуться политики. Парень интересующийся, хотя и мало сознательный. У него большие симпатии к туркам, к Кемалю. Об египтянах, арабах, персах отзывается с прохладцей. О советской республике слышал, но мало. Где? От моряков, на берегу. Что? Убили своего царя и управляют страной рабочие...

В открытом океане жизнь для пассажиров — санаторная. Едят чуть-что не шесть раз в день, а в промежутках лежат в креслах и глядят на летающих рыб. Эти рыбы больше всего похожи на огромных кузнечиков, внезапно выскакивающих из под ног, расправив свои крылья, и падающих через несколько шагов.

Сегодня мы повстречали кашалота, игравшего в воде, как колоссальный котенок и описывавшего круги.

Вечером совершенно сверхестественное морское сияние. Вся вода кругом парохода сплошь, как расплавленный, до-бела накаленный светящийся металл. Не устаешь смотреть на потоки искр, огненные водовороты, фейерверочные всплески...

Едем мимо Маледивских островов и разыгрывается буря-муссон. В течение трех дней качает так, как только умеет качать Индийский Океан. Волны несомненно выше нашего трехэтажного парохода и такие массивные, будто сии не из воды, а по меньшей мере из телячьего студня.

Не страшно; через 2 дня мы в Коломбо.

III. ОСТРОВ ЦЕЙЛОН.

Все европейские портовые города, даже порты мусульманского Востока, от' Алжира до Порт-Саида, имеют что-то общее и в зданиях, и в костюмах людей, несмотря на фески. Первый раз, в Коломбо, вы чувствуете в самом деле, что попали в совершенно новый, иной мир.

Ловцы раковин на о. Цейлоне.

В сущности, внешне-отличных, по архитектуре, по одежде, по образу жизни цивилизаций осталось нынче на земле лишь четыре: европейско-американская, арабско-тюркская, индусская и китайско-японская. Но все больше сглаживается внешняя разница между европейскими и арабско-тюркскими городами, где насильно, а где и добровольно, как в Кемалистской Турции. В Коломбо-же вы сразу, при самом сходе на берег, попадаете на чужую планету.

Во первых, люди. Почти голые, коричневые, как на крымских пляжах, тела работают, ходят по панелям, торгуют в лавках; царство «трусиков» и надбедренных повязок, будто все — члены общества «долой стыд»... Но к тому-же у мужчин роскошные, цвета воронова крыла гривы, наверняка длиннее, чем у большинства дам в Европе. Обычно грива собрана на макушке в «кукиш», а в таковом красуется черепаховый гребень...

Во вторых, обстановка. Почва — ярко красного, чуть не киноварного цвета, вместо наших серых или бурых дорог. Вдоль них ни одного знакомого дерева: либо пальмы, либо лапчатые листья папаи, веера бананов, яркая зелень сотен чужих растений, с невероятными цветами, опадающими здесь, на улицах-же. Дома, с решетчатыми ставнями вместо окон, с арками, защищающими прохожих от смертельного солнца. На улицах — ни одной лошади, они не выживают здесь. Либо автомобили, либо в запряжке бычок особой породы, с горбиком, быстро семенящий ножками. Но больше всего рикш, голых сингалезцев, рысью тащущих двухколесный экипаж, вроде наших беговых дрожек, только с покрышкой, опять-таки от солнца. Все европейцы и метисы в белых или желтых, касках; днем их вообще на улицах видать мало; лишь когда спадает жара, выезжают они на «Гольс-пойнт» у берега моря, дать себя продуть ветерку, поглядеть на совершенно сумасшедший, искупавшийся в красных чернилах, тропический закат солнца...

IV. В МАДРАСЕ.

Мадрас — крупнейший порт обращенного на восток Коромандельского побережья Индии. Как в большинстве индусских городов, в нем строго отделены туземный и английский кварталы. Первый, так называемый — как и в Баку — «Черный город», сплошной лабиринт туземных домов, лавок, базаров, контор и харчевен; второй — громадные, покрытые холеной травой площади, широкие пальмовые аллеи, кокетливые, окруженные садами особняки; не город, а дачное место. Изредка, чрез зелень, вывеска с фирмой, с названием учреждения. Магазины — для европейцев — все на одной улице; там-же гостиница, клубы, кафэ.

Сегодня — браминский праздник. На улицах толпа. Европейцу в Индии так же трудно смешаться с толпой, как у нас негру. Костюм, цвет лица, неизбежная каска. В лучшем случае, сойдешь за хав-каста, метиса, помесь белого с индуской. Но этих индусы не долюбливают — метисы льнут к англичанам, служат в полиции.

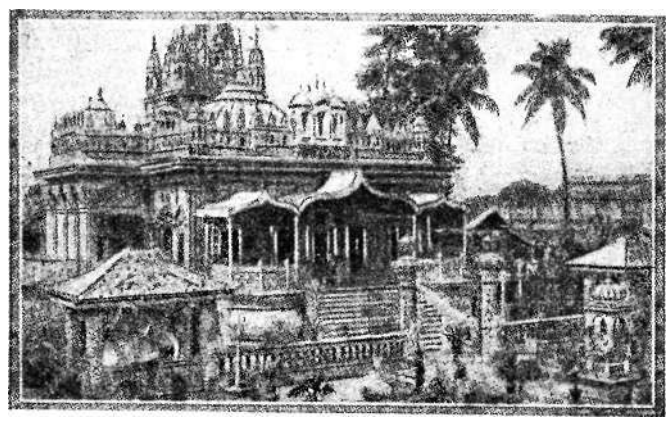
Сам народ — изнуренный, худой. Стариков мало. Женщины необычайно малорослы — это приписывают ранним бракам, вернее физиологическое вырождение от вечного труда, рожания, бесправия. До сих пор вдова не может вторично выйти замуж, хотябы она была повенчана ребенком за ребенка-же. На женщинах дешевенькие серебряные украшения— серьга в ноздре, кольца на ножных пальцах. Все, понятно, босяком. Одежда женщин метра два пестрой ткани через плечо, вокруг талии; среди мужчин, среди детей много почти совсем голых.

У меня есть знакомый в Черном городе. Пробираюсь к нему. Он сидит, скрестив ноги, на цыновке, на полу. Оглядываюсь — мебели нет, комната голая, стены просто побелены. В одном углу каменная лежанка, вроде гроба. Такова обычная обстановка—бедность непроходимая. Но чисто: индусы моют и моются охотно, иногда просто под водоразборным краном на улице.

Разговариваем по английски, ибо мой знакомый „бабу" кончил школу. Он рассказывает мне о положении индусских крестьян, отчаянном, по его словам.

Крестьяне, отдающие английскому правительству в форме податей три четверти урожая, находящиеся в тисках у дер венского кулака - ростовщика, который зачастую соединяет в своем лице и помещика («земиндара») и сборщика податей, приведенные в нищенское состояние — все чаще устраивают местные восстания, сжигают дома помещиков и «вынуждают» англичан к карательным экспедициям.

В большинстве случаев, аграрные корни беспорядков маскируются национальными или религиозными предлогами, но по существу все эти вспышки «мусульманско-



Индийский храм

индусской» розни, «сикхские восстания» и т. д. суть лишь расправы индусов с мусульманскими ростовщиками, как в Бенгалии, или наоборот, мусульман с индусскими помещиками, как при беспорядках «моплахов»...

V. О КРЕСТЬЯНАХ И РАБОЧИХ.

Мой знакомый раскрывает справочник на бенгальском языке, издание Калькутской газеты «Свободная Индия». Если из всего негородского населения Индии, составляющего ныне 230 миллионов жителей, отбросить 8 1/2 в качестве различного калибра помещиков, то остающаяся крестьянская масса распадается на 5 миллионов более крепких семейств, 23 миллиона средняцких хозяйств и на 7 миллионов почти вовсе пролетаризованных семейств. Эти последние 7 миллионов хозяйств или около 40 мил-

лионов человек представляют собой сельскохозяйственный пролетариат Индии, систематически умирающий с голоду, которому, в значительной своей части, остается лишь искать заработка на стороне, в эмиграции.

— Куда направляется главная струя индийской эмиграции?

— Во все почти тропические страны. От английской Гвианы до Капланда, от бывших германских колоний в Африке, до островов Фиджи в Тихом Океане, индийский скули» успел полить своим потом чуть-что не все колонии британской короны.

Индия представляет собою не только громадной емкости рынок для английских товаров, она является и колоссальным резервуаром, переполненным «свободной» рабочей

Слоны на работе

силой, которую английский капитал канализует по своим тропическим землям — отрабатывать дивиденды для магнатов лондонского Сити.

— А рост внутренней индийской промышленности?...

— Не в состоянии поглотить выталкиваемых деревнею обедневших крестьян: хотя капитал, вложенный, например, в текстильную промышленность, возрос в Индии со времени войны более, чем в 5 раз, но пролетаризация крестьянства идет еще более быстрым темпом: эта миллионная резервная армия труда оказывает страшное давление на рынок рабочей силы, не давая хоть сколько-нибудь подняться ничтожному заработку рабочего, редко когда превышающему 24 рупии в месяц (60 копеек в день).

— Но существует, ведь, в Индии законодательное ограничение рабочего дня до 11 часов?

— Только на бумаге! На деле — пройдите по нашим текстильным фабрикам: вы увидите ткачих и красильщиц, которые работают по 18 ч. в день и проводят круглые сутки на мануфактуре, отдавая сну несколько часов тут-же на дворе, здесь-же готовя пищу и кормя своих детей, под развешанными для сушки тканями...

— Должно быть живописно...

— Да, но не менее живописна и цифра смертности среди этих детей — 65 на 100. А общая цифра смертности среди наших взрослых рабочих — 60 на 1000, в 3 раза больше, чем в России, в царские времена...

VI. В КАЛЬКУТТЕ.

Калькутта — исторически первая столица британской Индии. Отсюда, всеми правдами и неправдами, подкупом, насилием, лестью, клеветой торговая «Ост-Индская Компания», а затем правительство её великобританского величества Виктории, провинция за провинцией захватывало в свои руки этот гигантский азиатский полуостров, уступающий по числу населения одному лишь Китаю...

Порт Калькутты, ее доки, склады, мосты, парки, дворцы, вокзалы не уступят любому европейскому городу. Многоэтажные дома, асфальтовые мостовые, бесконечный поток автомобилей, световые рекламы дают ясное представление об активности торгового квартала. Необыкновенно богатый зоологический сад (да где-же и быть тиграм и слонам, если ие здесь), роскошные музеи и библиотеки, два университета, единственный на Индийском океане аквариум, полный рыб таких форм и цветов, которые разве во сне приснятся.

Но отойдите два шага... только два шага, в переулок— и вы задохнетесь от вони, грязи и пыли. Калькутский «базар» — туземный город — есть совершенно неслыханная нигде в мире клоака, такая концентрированная эссенция всего наимерзейшего в мире, какой, — по единодушным отзывам знатоков,— не встретить, пожалуй, нигде в другом месте.

Там не прекращается чума.

Там открыто, на улице, продают детей.

Там, на глазах у полиции, предаются всем противоестественным порокам.

Там публично курят опиум и гашиш, торгуют кокаином и морфием — на той же Чипор-Род, на которой, как мертвые тела, валяются отравленные чернокожие индусы и белокурые английские моряки, хоть здесь братски равные, пред кошельком англо-индийских содержателей притонов...

Условия, в которых живет калькутский рабочий, не поддаются описанию. Представьте себе курятник из сплетенных жердей, кое-где обмазанный глиной. В этом курят. нике ряд логовищ, многоэтажных нар или ниш, заполненных зловонным, кишащим насекомыми тряпьем. Здесь, на каждой наре живет целое семейство, плодится, рожает, умирает, без занавесок, без дверей, без света, без воды, заполняя своими нечистотами все окрестности дома...

За это «помещение» платится каждой семьей от 3-х до 4-х рупий в месяц (почти полунедельный заработок); индусу, чистоплотность которого высоко развита, индусу, с его кастовыми пережитками, требовавшими избегать всякого контакта с «чужими», индусу особенно тяжки эти совершенно нечеловеческие условия жилья. Но нищета, нищета...

VII «ХАРТАЛ».

Вчера в Калькутте объявлен всеобщий «хартал», забастовочная демонстрация протеста. Приезжает вице-король из Дэли и индийские националисты хотят показать ему, что «есть еще порох в пороховницах», что они не запуганы массовыми арестами и приговорами, что ненависть к английской эксплоатации так-же сильна, если не сильнее в их сердцах, чем во времена агитации их старого вождя Ганди, опять посаженного британским правительством, под каким-то предлогом, в тюрьму.

Все лавки, все базары должны быть закрыты. Все «честные индусы и магометане» должны появляться на улицах лишь в шапочках из «хаддара», домотканной материи, ввиде протеста против английских тканей. Будут организованы демонстрации, которые с пением националистского гимна «Банда Маттарам» пройдут по улицам...

Англичане со своей стороны мобилизовали войска. Нам встречаются отряды малорослых, косоглазых «Гурков», горцев из Непала, по найму служащих англичанам, как швейцарцы служили Людовикам. Дворцы и банки охраняются «Сикхами», высокорослыми, бородатыми сектантами, не отставшими от индусов и не приставшими к мусульманам, одинаково ненавидимых и теми, и другими; это они спасли англичан во время восстания сипаев в 1857 г., когда Индия чуть было не сбросила британское ярмо.

Необыкновенное количество шпиков рыщет по всем улицам. Друзья советуют на этот день покинуть Калькутту. Неровен час — в чужом пиру похмелье...

Решаем посетить храм богини-душительницы Кали, той самой, сектанты которой («туги») когда-то так решительно расправлялись с англичанами. Храм этот вне Калькутты, но именем его («Кали-гхат») был назван сам город.

Можно смело посоветовать на казенный счет отправлять религиозных людей на краткую экскурсию в этот храм. Уже если это не отобьет у них охоту веровать в богов, то их останется только утопить в Ганге...

VIII. О РЕЛИГИИ.

Представьте себе многоэтажное здание, снизу до верху сплошь разукрашенное тысячами скульптурных, раскрашенных во все цвета радуги, изображений. Наружу эти изображения, как будто невинны, но внутри храма они изображают... просто порнографию. Богиня Кали, многоголовое, многорукое чучело, все вымазано маслом и кровью. Маслом бесчисленных подношений, кровью от

быков и коз, закалываемых перед нею. Кругом завывают и подплясывают жрецы, стоит на коленях и стукается лбом о пол народ.

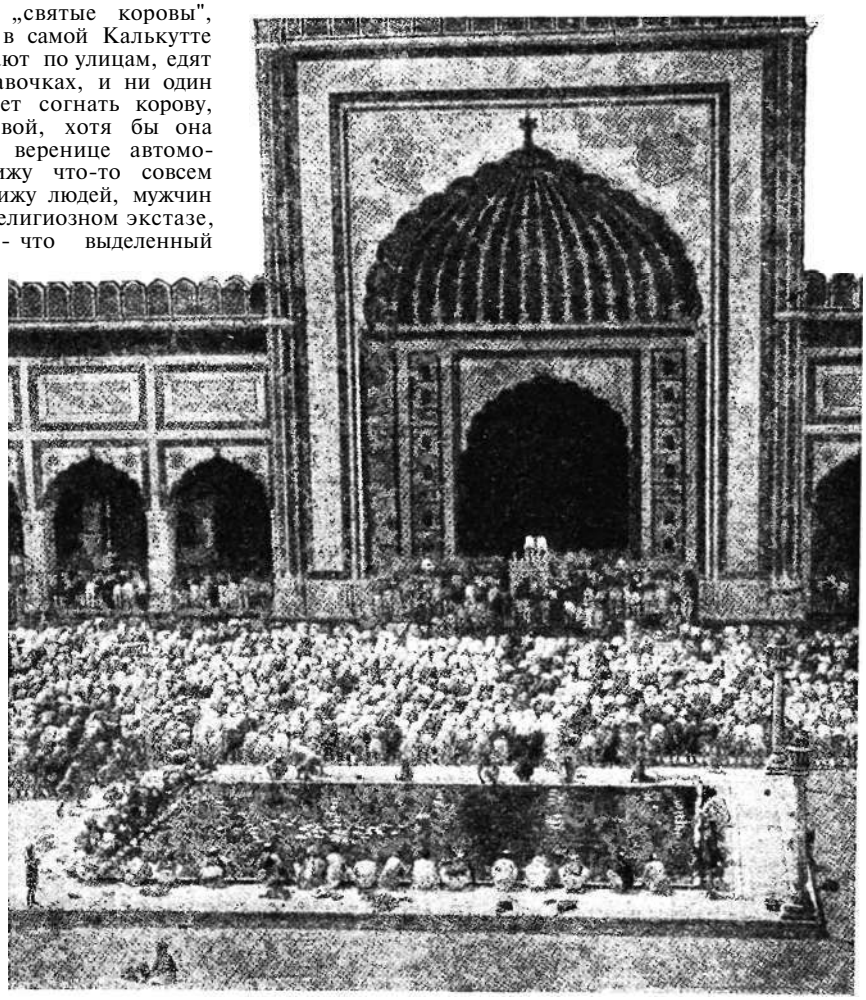
Немного далее — опять религиозное неприличие: Бог Кришна и богиня Рада в весьма откровенной позе, дальше некуда.

Через несколько шагов Шива-лингам, олицетворение мужского принципа, настолько очевидное, что в нем разберется даже не обучавшийся в семинарии. Остроконечный, каменный лингам толпа индусских изуверок мажет маслом, поливает водой, украшает цветами...

Продем еще немного. Вот небольшой храм в котором стоят „святые коровы", воистину святые, ибо в самой Калькутте они свободно разгуливают по улицам, едят фрукты в зеленных лавочках, и ни один полицейский не посмеет согнать корову, разлегшуюся на мостовой, хотя бы она мешала проезду целой веренице автомобилей. Но здесь я вижу что-то совсем умопомрачительное: я вижу людей, мужчин и женщин, которые, в религиозном экстазе, бросаются на только - что выделенный коровой кал — и едят его. Подставляют пригоршни под корову и пьют - не молоко — мочу ее.

Не верите? Я тоже не верил, покуда не увидал собственными глазами — и в Калькутте, и в Бенаресе...

Что - же делает просвещенное, культурнейшее английское правительство против этих тупоумных, развратных жрецов,этого разложения целой нации идиотскими, позорными церемониями? Ничего. Напротив...



Храм индусов - мусульман.

IX. АНГЛИЧАНЕ В ИНДИИ.

Политика англичан в Индии, позволяющая 100.000 британцам, господствовать над 350 миллионами индусов — т. е. одному англичанину командовать 3500 туземцев — сводится к старому римскому рецепту: разделяй и властвуй.

Раздуваемая англичанами, с одной стороны — угроза мусульманских воинственных племен севера индусскому населению долины Ганга, с другой стороны — опасность майоризирования мусульманского меньшинства страны ее индусским большинством — равным образом играют на руку британскому правительству. Отсюда его постоянные старания охранять и поддерживать всяческий национально-религиозный фанатизм, в каких-бы безобразных, отталкивающих формах он ни выражался. Напротив, тем лучше: тем глубже будет неприязнь и рознь между различными элементами страны.

Кастовая система индусов, разбивающая их на сотни группировок по самым разнообразным признакам, еще более облегчает эту задачу сеяния разлада. Англичане даже стали за последнее время поддерживать касту «отверженных», париев, с тем, чтобы восстановить их против националистов из других каст...

Борьба против англичан в Индии, встречает немалые затруднения в самой структуре страны. Наличие ряда полу феодальных князьков и жреческих каст, сознательно поддерживаемых англичанами, есть первое препятствие, дробящее силы.

Наростание крупной буржуазии, готовой по примеру египетской и китайской, идти на сговор с британским империализмом из страха перед народной революцией, —второй отрицательный момент.

Однако, глубочайший, затяжный, аграрный кризис, не могущий найти достаточного исхода ни на пути эмиграции, ни в замедленном росте промышленности — этот неразрешимый индийский крестьянский вопрос составляет основной фон всех революционных движений, под каким-бы временным лозунгом они ни выступали.

Английское управление, выкачивающее живые соки страны, железными путами связывающее ее развитие, есть всеми осознанная преграда, взорвать которую придется в первую очередь. Но низложение британского самодержавия будет лишь вступительным актом к неизбежной октябрьской революции, в которой рабочие и крестьяне свергнут, вслед за английским, и иго собственных помещиков и капиталистов...

И. Ванин.

О ВТОРОМ ВЗНОСЕ

Все подписчики, подписавшиеся в рассрочку, должны к 15-му марта дослать **второй взнос в 2 рубля.**

При переводе денег обязательно указать „ВТОРОЙ ВЗНОС", желательно для ускорения на переводе наклеивать ярлык, по которому он получает журнал. Приславшие больше 2-х рублей (2 р. 50 к., 3 р. и т. д.) должны дослать деньги из рассчета до 4-х рублей.

Не выславшим второго взноса **высылка журнала и приложений 15-го МАРТА БУДЕТ ПРЕКРАЩЕНА.**

УКРАДЕННЫЙ РЕМБРАНДТ

Рассказ Мих. Зуева-Ордынца.

Иллюстрации Юргенса.

I. ЦИРКУЛЬ И ГЛОБУС.

Медленно, стараясь продлить удовольствие, доел последний кусок. Тщательно смахнул в горсть с тарелки оставшиеся от хлеба крошки и высыпал их в рот. Обед кончился. Но желудок, в течение двух дней довольствовавшийся жидким чаем и полуфунтом «собачьей радости», взбунтовался. Сорока-копеечный обед не удовлетворял его.

Бирюлев покосился трусливо на официанта. Тот стоял спиной и его лысина, от электрического света, падавшего с потолка, казалась красной и сочной, как хороший бифштекс. Сам стыдясь своего поступка, схватил с соседнего стола кусок черного хлеба. и закрывшись газетой, начал есть его, отламывая маленькими кусочками.

Украсть второй кусок не решился, — стыдно и страшно. Бросив газету, вытащил письмо, захватанное и помятое, видимо читанное много раз. Глаза побежали по знакомым уже строкам:

«... Я не удивилась, прочитав в твоем письме, что профессора в восторге от твоей дипломной работы. Я всегда твердо верила и верю в твой талант.

У нас все по старому. Лева, как я уже писала, поправляется, а я не имею возможности купить ему даже молока. Но не думай, что это жалоба. Нет. Не беспокойся. Пробьемся как-нибудь. Когда же ты сможешь заглянуть к нам?..

Дальше читать не стал. Бессильно опустил руку с письмом. Мысли тупо жевали мозг.

— Денег! Где достать денег? Лева должен иметь молоко!...

Перехватив колюче-презрительный взгляд официанта, понял, что надо уходить. Но так не хотелось вылезать снова на мокрую ленинградскую улицу, под противный весенний дождь.

Брякнув стеклом, распахнулась входная дверь, впустив двоих мужчин. Бирюлев, уже поднявшись было, что уйти, снова опустился на стул. Как истинный художник, Он быстро улавливал все оригинальное и смешное. А вошедшие стоили того, чтобы рассмотреть их повнимательнее.

Один из «их был ростом, почти карлик, гном. Хилая, полудетская фигурка его была обезображена сутулой спиной, которая поднимаясь над плечами, делала его почти горбатым. Но что бросалось сразу же в глаза — это его голова, громадная, с высоким, гладким лбом и широким затылком. И когда карлик снял шляпу, чтобы стряхнуть с нее капли дождя, Бирюлева поразила строго шаровидная форма его головы, удивительно напоминавшая глобус. Отсутствие всякой растительности на черепе и круглые мясистые выбритые щеки — дополняли это сходство. А его тщедушная фигурка казалась лишь подставкой для огромной глобуса — головы.

Второй был полной противоположностью карлику. Ростом выше раза в два, худой и тонкий, он и/мел коротенький корпус, нелепо торчавший на непомерно длинных и сухих нотах. Голова его маленькая, посаженная на узкие плечи, тоже тянулась кверху, напоминая по форме редьку. И когда он, остановившись в нерешительности в дверях, широко расставил свои непомерно длинные ноги, Бирюлеву показалось, что это готовясь описать круг, растопырился циркуль.

— Пройдемте туда, к окну, — сказал Глобус. И когда они опустились на стулья, почти рядом с Бирюлевым, добавил: — Я открыл здесь прекрасное черное пиво, а кроме того, здесь всегда тихо. Нет этого противного кабацкого шума.

Говорил он с едва заметным иностранным акцентом, каким-то осторожным шепотком с прихлебкой и голос его сразу вызвал у Бирюлева необъяснимое чувство глухой неприязни.

— Ну, и давайте пробовать ваше знаменитое пиво, — ответил безукоризненно чисто по русски Циркуль.

Они сели настолько близко к Бирюлеву, что он мог рассмотреть их теперь подробно. Но Циркуль сидел к нему спиной, и Бирюлев отдал все свое внимание Глобусу.

Высосав с откровенными удовольствием первый фужер пива, Циркуль тоном, каким возобновляют прерванный разговор, обратился к Глобусу:

— Ну, что же дальше? Продолжайте!

Глобус, к удивлению Бирюлева, ответил по французски. Но говорил он с заметным затруднением, словно мысленно переводил в уме каждое слово, как делают люди не вполне еще овладевшие языком. Благодаря этому Бирюлев также смог почти целиком перевести его ответ.

— Вам уже известно, — говорил Глобус, что даже отрицая возможность позднейших подделок, многие полотна мировой известности до сих пор еще находятся под сомнением, — принадлежат ли они кисти именно тех мастеров, авторство которых этим картинам приписывается. Вспомните хотя бы историю с Луврским портретом «Кондотьера». Ведь целых три года шел спор, — принадлежит ли он действительно кисти Антонелло де Мессина. Точно такой же спор поднимался, даже не раз, и вокруг интересующей вас картины «Христос» Рембрандта.

— Ну, вот видите! — мотнул головой Циркуль. — Значит мои опасения имеют почву.

— Да! — ответил сурово Глобус. — Но я хочу рассеять ваши опасения. А так как до сих пор я вел с вами честную игру, вы должны, мне верить!

Официант уже откровенно выталкивал взглядом Бирюлева. Но он. решил, даже ценою открытого скандала дождаться конца этого разговора.

— А кто сказал, что я вам не верю? — обиделся Циркуль и от волнения даже заерзал под столом длинными ногами.

— Мне трудно говорить на этом проклятом французском языке, — сказал Глобус. — Я с удовольствием перешел бы на свой родной язык, — но его не знаете пы. А по русски говорить опасно. Осторожность никогда не мешает. — И вытерев вспотевший лоб, Глобус по прежнему спотыкаясь на каждом слове, продолжал: — Дело в том, что полотна Рембрандта особенно часто бывают предметами ожесточенных споров.

— Почему? — искренне удивился Циркуль.

Глобус растянул в насмешливой улыбке тонкий безгубый рот. — Если вы уже пошли по этой дорожке, вам не мешало бы познакомиться, хотя бы элементарно, с историей живописи. Пригодится!

— Ну? — нетерпеливо подался вперед Циркуль. — Ближе к делу!

— Разве вы никогда не слышали, что Рембрандт не раз подделывал самого себя?

— Самого себя? — откинулся ошеломленно на спинку стула Циркуль.

— Да! Ради денег, в погоне за несколькими сотнями флоринов, он подписывал свои именем работы учеников 1). Но «Христос» — лучшее создание его гениальной кисти. Здесь он выступил уже, как вполне зрелый мастер. Судя только по одному этому полотну, можно вполне согласиться с мнением знатоков, говоривших, что Рембрандт сочетал в себе: «ум Тициана, красоту Рафаэля, грацию Корреджио и колорит Рубенса».

— Вы, как из решета сыплете именами, а о деле ни слова, — прервал его Циркуль. И обиженно добавил: — Я вовсе не нуждаюсь в ваших лекциях по истории живописи.

— Не прерывайте меня, — сухо ответил Глобус. — Я говорю то, что нужно. Всякие споры вокруг «Христа» прекращены. Доказано определенно, что картина эта кисти Рембрандта-ван-Дейка и никого больше!

Оба ненадолго замолчали, а потом снова о чем то ожесточенно заспорили. Но Бирюлев уже не вслушивался в их разговор.

Его жгло острое, нестерпимое любопытство: — почему Циркуль так сомневается в том, что украденный из московского музея «Христос», действительно принадлежал кисти Рембрандта? И почему Глобус с таким жаром уверяет его в этом? Любительский ли это только спор?

Любопытство Бирюлева начало переходить уже в неясное, неоформившееся еще подозрение, когда его вывел из задумчивости громкий стук кулаком по столу и голос Циркуля, крикнувшего, видимо в забывчивости, по русски:

— Верю! В Москве похищен действительно Рембрандт! Факт!

— Конечно! — громко ответил Бирюлев. И в следующий же момент сам удивился. Он совсем не хотел ввязываться в их разговор. Это вышло у него, как то подсознательно, против желания.

Но было уже поздно. Тяжелый, липкий взгляд пустых мертвых глаз Глобуса, пытливо обшаривал лицо Бирюлева, вызывая у него неприятную брезгливую дрожь.

— А вы разве поняли наш разговор? Вы говорите по французски? — спросил Глобус, безразличным тоном вопроса прикрывая какое то сложное и сильное чувство.

Чутье, неясный инстинкт подсказали Бирюлеву, что правду надо скрыть. И он деланно простодушно ответил: — Ни слова я не понял. Я по французски и знаю то только «пардон» да «мерси» А ответил я га последнюю фразу, сказанную по русски.

Бритое лицо Глобуса распустилось в довольной улыбке.

— Ах, вот как! А вы разве тоже уверены в том, что «Христос» — работа Рембрандта?

— Да кто же теперь в этом сомневается? — улыбнулся снисходительно Бирюлев.

— А почему? — спросил быстро Циркуль, бросив на Бирюлева косой взгляд, не поворачивая головы.

— Видите ли, — начал менторски, невольно копируя своего профессора, Бирюлев, — когда эта картина была еще у Орлова-Давыдова, осматривавшие ее лица заявили, что это не Рембрандт. Граф самодур хотел в бешенстве ее сжечь. Но к счастью не сжег. После этого она неоднократно подвергалась экспертизам и, наконец, неоспоримо было доказано, что это подлинный Рембрандт. За это говорит также и сумма стоимости картины.

— Какая же это сумма? — спросил Циркуль.

— По довоенной оценке 400 тысяч рублей! — ответил Бирюлев.

— О боже, — простонал Глобус. — 400 тысяч рублей!— повторил он, каким то особенным, ласкающим, вкрадчивым шепотком и замкнулся в благоговейном молчании.

— А вы, повидимому, художник? — поинтересовался Циркуль.

— Почти, — улыбнулся застенчиво Бирюлев. — Без пяти минут. В этом году кончаю.

— А ваша фамилия? — оживился вдруг Глобус.

Бирюлев секунду колебался, — не соврать ли опять. Но решившись, назвал свою настоящую фамилию.

— Так, так, — пробарабанил задумчиво по столу пальцами Глобус. — Я интересуюсь молодежью и я слышал о вас, как о подающем большие надежды. Ваша дипломная работа, кажется, «Город»? Большое саженное полотно?

— Да! — не без гордости ответил Бирюлев. — Но откуда вы это знаете?

—Я знаю все, что мне нужно знать, — ответил загадочно Глобус. И, повернувшись уже к Циркулю, зашептал с прихлебцем, не скрывая своего возбуждения: — Прекрасная картина, сочная кисть, твердая рука! Наверняка будущая знаменитость! Вообразите, на первом плане типичный русский ландшафт, — чахлый перелесок, какое то корявое болотце, плешивый бугор. На бугре пастухи, двое: — седой старик и мальчик — ребенок. Оба приложив к глазам козырьками ладони, смотрят пристально вдаль. А вдали, на горизонте, силуэт гиганта-города, — трубы, громады домов, какие то купола. Солнце село за город и небо над ним горит пожаром. И не поймешь, — то ли это закат, то ли зарево огней гиганта-города. Очень, очень хорошо,— даже причмокнул языком Глобус. — Масса, как это по русски... ах, да, — настроения!

И вдруг повернувшись круто к Бирюлеву, сказал коротко:

— Продайте вашу картину заграницу.

— Нет, — резко ответил Бирюлев, — Мой «Город» останется в России.

— Дело ваше, — подтянул кисло рот Глобус. — Смотрите не прогадайте.

Во время всего предыдущего разговора Глобус и Циркуль перекидывались быстрыми, короткими

---

1) Факт — доказанный экспертами.

взглядами. И Бирюлев, исподтишка следивший за ними, готов был поклясться, что они сигнализировали о чем то друг другу этими взглядами. Пауза, наступившая после резкого ответа Бирюлева, начала уже переходить в неловкое, гнетущее молчание. Как вдруг Глобус встал и поклонившись Бирюлеву, сказал вежливо:

— Может быть вы окажете честь присесть к нашему столику. Мы хотели бы познакомиться с вами поближе. Нам кажется, что у нас найдется к вам дело.

Официант, забывший недавнюю свою презрительность, услужливо подставил стул. Бирюлев сел и когда церемония знакомства была окончена, он узнал, что карлик носил такую же коротенькую, как и он сам фамилию—Пина, а у Циркуля фамилия оказалась длинной и несуразной — Делажинблай. Теперь же Бирюлев смог более подробно рассмотреть и Циркуля. У него было маленькое сморщенное личико, сквозная редкая бороденка и мокрый насморочный нос. Весь он был какой то жалкенький и растерянный.

... **Может быть, вы окажете честь присесть к нашему столику.**

— Извините, но я буду откровенен, — заговорил своим шепотком Нина,— когда все расселись по своим стульям. — Судя по вашему лицу и костюму, вы нуждаетесь в средствах?

Бирюлев бледно улыбнулся: — Да, я сейчас остро нуждаюсь в деньгах. Мой сын серьезно болел и...

— Довольно, — мягко перебил его Пина, — мы можем предложить вам хорошо оплачиваемую работу.

— Какую? — насторожился Бирюлев.

— Конечно, по вашей специальности, — успокаивающе ответил Пина. — Нам нужно снять копию с одной картины.

— Дело подходящее!

— И чем ближе ваша копия будет к оригиналу, тем больше будет оплата.

— Согласен! — обрадованно вскрикнул Бирюлев.

— Погодите, — опять перебил его Пина. — Мы должны выставить еще некоторые условия, на наш взгляд может быть и несколько необычайные.

— А ну-ка? — беззаботно сказал Бирюлев.

— Туда, где вы будете работать, мы отвезем вас с завязанными глазами. Вы не покинете помещения до тех пор, пока не кончите работу, получая все необходимое на месте, но не имея буквально никакого сообщения с внешним миром. А затем мы доставим вас в любое место по вашему указанию. Конечно, незачем добавлять, что лично вам не грозит никакая опасность.

— Но зачем же эти штуки из дешевого романа? Завязывание глаз и т. д.? — забеспокоился Бирюлев.

— Я забыл еще добавить, что чем меньше вы будете задавать вопросов, тем больше вы получите за свою работу, — скупо процедил Пина.

Бирюлев почувствовал неясную тревогу. Стало тоскливо и тяжело, как от предчувствия какого то несчастья. Задумавшись опустил руку в карман

пальто, нащупал письмо жены и словно обжегшись выдернул руку обратно:

— Сколько времени продлится моя работа? — деловито и без всякой уже тревоги спросил он.

Пина задумчиво пососал губу: — Это будет зависеть от вас самих. Но думаю, что никак не больше двух недель.

— Завязывайте глаза, едем!— громыхнув отодвигаемым стулом решительно поднялся Бирюлев.

II. КОМНАТА СОКРОВИЩ.

Судя по возне Делажинблая, дверь имела массу запоров. Щелкал бесчисленное количество раз замок, звенела цепочка, скрипели ржаво крючки. И когда наконец, все стихло, Бирюлев почувствовал на своем плече чью то руку, а на лице дыхание вплотную подошедшего человека.

И в тот короткий момент, когда падала повязка с глаз Бирюлева, он услышал легкий, как дыхание, шепот Пины.

— Задержите его здесь, пока я... Понимаете?

Моргая уставшими глазами, Бирюлев осмотрелся. Небольшая квадратная комната, скромные серые обои. На стенах масса крупных фотографий.

— Обратите внимание! — ткнул на фотографии пальцем Делажинблай. — Для вас интересно. Снимки лучших мировых полотен. Здесь Лувр, Люксембургский музей, Дрезденская галлерея...

Бирюлев на это улыбнулся иронически, — вспомнив шепот Пины: — «задержите его здесь».

Но Пина уже сам показался в дверях, жестом пригласив Бирюлева пройти.

Следующая комната показалась бесстенной и громадной, как зал музея. Бирюлев, ошеломленный, застыл в дверях. Это была, буквально, комната сокровищ. Глаза разбегались, не зная на чем остановиться, что обласкать сначала любовным и восхищенным взором.

Стены в тяжелых громадных коврах. Французские гобелены, перемешались с фламандскими коврами. В промежутках между коврами, картины и без конца картины: — масло, акварель, пастель, темпера. Поверхностного, быстрого взгляда достаточно было для Бирюлева, чтобы убедиться в громадной ценности большинства картин. Элегический левитановский пейзаж висел над утонченным импрессионистом Клодом Монэ, а скорбный пафос гравюр революционерки Кэт Кольвиц причудливо перемешался с неземными ликами нежных врубелевских богородиц. Над картинами арматура из оружия. Варяжский меч, с широким клинком и рукоятью обделанной серебром, перекрещивался с тонкой рапирой галантного французского маркиза; негритянский щит из толстой кожи был соседом рыцарского шлема филигранной чеканки с пенящимся страусовым пером, а на ржавых суданских стрелах, вбитых прямо в стену, висел койн — бубен вогулского шамана. В углах же комнаты, словно стоячие гробы, громоздились деревянные футляры, в щели которых глядел белый мрамор статуй.

Бирюлева охватила буквально чувственная радость от такого обилия красоты, в самых разнообразных ее проявлениях. Он то бросался к картинам, то останавливался перед благородной бронзой и перебегая к столу пергаментов благоговейно гладил старые фолианты, над причудливой накипью строк которых слепили глаза средневековые монахи.

Пина, заметив восторг Бирюлева, широким жестом, как властелин, показывающий свои владения, обвел комнату:

— Что кучи бриллиантов перед этими сокровищами? Слепая шутка слепой природы. А это?.. Монтень сказал: — «Мы не живем, нас уносит». Наша жизнь — это эпизодик на экране. Короткий треск аппарата и.., ваш сеанс окончен, уступите место другим. Но человек не умирает совсем, без следа, если он оставил после себя что либо, похожее на это!..

Бирюлев, заметивший дверь, полузакрытую зелеными портьерами, потянул ручку. Не запертая, она подалась.

— Стойте, куда вы? — испуганно крикнул Пина, резко оборвав свою тираду. Бирюлев обернулся удивленно: — Разве сюда нельзя?

Пина нагнулся к замку и щелкнул два раза ключем. Потрогал, действительно Ли заперто и выпрямившись поглядел в упор на Бирюлева:

— Ничего интересного там нет. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, где вы будете жить и работать. Посмотрите также и картину, с которой вам надо снять копию.

Бирюлев, оскорбленно и непонимающе пожимая плечами, пошел за ним.

В дальнем конце зала он увидал дверь еще в одну комнату. Войдя удивился. Это было настоящее ателье художника. Три громадных окна наверное не скупясь, лили днем свет.

Пина щелкнул выключателем и под потолком вспыхнули лампы по силе света не уступающие юпитерам.

— А теперь посмотрите картину!

Это был Ушаковский триптих. Бирюлев почувствовал разочарование. Он почему то вообразил (он еще сам не мог понять — почему?), что работа его будет другая, более трудная. Ему казалась даже, что его заставят снять копию с... Но он не докончил мысль, настолько чудовищна и неправдоподобна она была.

Держась за ручку двери, Пина сказал: — Надеюсь, завтра с утра вы приметесь за работу. А пока, спокойной ночи.

Бирюлев погасил все лампы, оставив лишь матовый ночничек. Опустился в низкое кресло, против картины. Вместо мыслей какой то дикий ералаш. — Почему там, в пивной, Пина и Делажинблай так ожесточенно спорили о «Христе» Рембрандта? Что значит фраза Пины: «я до сих пор вел с вами честную игру и теперь вы должны мне верить»? Зачем привезли его сюда с завязанными глазами? И, наконец, что это за таинственная комната, в которую не хотел его пустить Пина?

Безусловно, во всем этом есть логика. Все странности сегодняшнего дня чем. то оправданы. Но чем? В чем дело? Где найти кончик, по которому размотается весь этот клубок?

— Лучше обдумать все это завтра, со свежей головой, — решил Бирюлев. Подошел к кровати, протянул руку, чтобы откинуть одеяло и тут только заметил причудливые формы своего ложа, — высокие спинки из белого клена, веночки и античные профили черного дерева — бесспорно Бидермайер. Эта кровать стоила не малых денег. А вместо одеяла громадный кусок красного бархата, и на нем вышит золотом венецианский лев св. Марка. Золото вышивки уже позеленело от времени и кое-где вылезали из под него нитки подбивки.

Бирюлев улыбнулся зло:—Надеюсь, хоть подушки и простыни не имеют здесь столетней древности и на них до меня не спал фараон египетский, или по крайней мере Ричард Львиное сердце.

Но улегшись, он укрылся этим странным одеялом не без робости.

(Окончание следует).

Рассказ С. ГАРДНЕР Рисунки ИКАРА

Перевод Д. Л.

Сэм Свифт приподнял угол грязного брезента и засунул под него пакет завернутый в коричневую бумагу.

— Вот и табак, Габби! Теперь мы уже совсем обнищали, не осталось ни цента.

Повернув голову, Габби Хикс посмотрел слезливыми серыми глазами на обоих тощих осликов и затем вдоль главной улицы Антилоп Флат.

— А на что нам деньги? Ведь есть чем прокормиться. А много ли достал жевательного табаку?

Товарищ его утвердительно кивнул головой.

— Что же нам тогда здесь прохлаждаться? Идем!

Каждый из стариков взялся за прикрепленную к недоуздку веревку и, волоча ноги, они побрели вдоль пыльной улицы; Смотря им вслед, прохожие улыбались. Ведь эти старики были старателями в песчаных пустырях и горах; что-то в их наружности всегда вызывало улыбку, но улыбку обычно сопровождал вздох.

Габби был высок и худ, лицо бритое, волосы спускались до плеч. Сэм Свифт был совершенно лысым, зато борода покрывала половину груди.

Истратив свои барыши на провизию, они возвращались к своим заявкам и четырем месяцам полного одиночества.

Внезапно Габби остановился и укоризненно взглянул на товарища.

— Сэм, бьюсь о заклад, что ты забыл журналы!

Сэм Свифт опустил голову и, уставив глаза в свою спутанную бороду, пробормотал:

— У нас не оставалось денег, Габби!

Тот затряс в ответ седой головой.

— Знаешь, небось, что я без чтения не могу обойтись, лучше бы без табаку остался.

Сэм ничего не ответил. Да и что же он мог сказать?

В каждую поездку он покупал в городе журналы. Эта обязанность лежала на нем, как на хозяйственном распорядителе товарищества. Габби любил чтение и неизменно проводил за журналами длинные вечера, перечитывая до восьми раз одно и то же. Сэм не читал и считал потраченные на журналы деньги чистым убытком. Это мнение чуть не оказалось скалой, о которую грозило разбиться товарищество. Слезливые глаза Габби запылали от негодования, волосы дрожали.

— Это решает дело! — продолжал Габби. — Ты истратил все деньги на то, что любишь, а о моих желаниях позабыл. Прекрасно. Мы разделим заявки и эту зиму каждый будет жить сам-по-себе.

Вытаращив испуганно глаза Сэм Свифт схватился за бороду.

— Послушай, Габби, не ссориться же нам с тобой из-за этого. Чорт возьми, я достану тебе твои журналы. На, подержи ослика, а я отыщу магазин.

Не дожидаясь ответа, Сэм бросил повод и поспешно исчез за угол. Габби сделал движение, будто намеревался пойти за ним, но посмотрел на осликов с вьюками, вздохнул, поднял брошенную веревку, отошел к краю дороги и сел ожидать на кучу высохшей глины.

Сэм Свифт шел быстрыми шагами, душа онемела от ужаса потерять товарища, мысли не работали. Неужели из-за журналов распадется их товарищество? Пожалуй, что он, действительно), был не прав, забыв про журналы.

Сэм остановился у одновременно мелочной, москательной и книжной лавки, объяснив молодому продавцу свое затруднительное положение. К несчастью, ответ был короток, сух и неудовлетворителен.

Сэм Свифт посмотрел через улицу и увидал приемную доктора Уиллита. В голове воскресли нежные очертания каких-то воспоминаний. Как-то его ударила мотоциклетка, испуганный моторист заплатил за вправку и лечение сломанной руки. Сэм вспомнил о плетеном столе с высоко нагроможденными на нем журналами. Читать он их не читал, но все же...

Перейдя улицу, он сунул в дверь свое немытое лицо с косматой бородой и увидал одетую в белом сестру, показавшуюся ему олицетворением чистоты и знания. Он струсил.

— Хотите видеть доктора Уиллита? — спросила она.

Сэм кивнул головой и запнулся: говорить он не мог. Переходя улицу, он думал что просьба одолжить несколько журналов, будет легкой, но глядя на хладнокровно-деловитое лицо сестры, он понял, что просьба бессмысленна.

— Обождите минуту, — проговорило видение в накрахмаленной белой одежде и шурша исчезло за дверью.

Сэм хотел убежать, но вдруг в голове мелькнула новая мысль, увидев перед собой высоко нагроможденные на столе журналы посреди комнаты. Мысль пронзила его с быстротой молнии, непреодолимый импульс толкал его... Не успев ясно отдать себе отчета в своих действиях, он схватил охапку журналов и выбежал на улицу. Теперь ему только оставалось бежать, бежать поскорее, без оглядки.

— Вот они, Габби! — сказал он запыхавшись. — Спрячь их под брезент, да поскорее развяжи веревку. Ну, теперь хорошо.

Габби же был все еще зол.

— А какие они будут?

Взглянув на него украдкой через плечо, Сэм ответил:

— Самые, что ни на есть наилучшие, хоть для королей. Не болтай так много: надо до заката дойти до грязевых ключей, а в пустыне и без того будет печь во всю. Идем!

Пока они шли по дороге, приходилось вести осликов и им было не до разговоров. Часа два спустя, пройдя пять миль и пустив осликов на свободу, Габби пришел опять в обычное хорошее расположение духа и бок-о-бок товарищи плелись по пыльной тропинке, изредка обмениваясь двумя-тремя словами, уверенные в обоюдном понимании и готовые положить жизнь один за другого, если появится необходимость.

Уже стемнело, когда они остановились для ночлега. Рассвет застал их опять в пути. Лишь на третий день, когда они дошли до своей хижины, Габби мог заглянуть на журналы. Сперва он намеревался спросить объяснения, но затем ему пришло на ум, что, вероятно, Сэм, действительно, полагал, что он может читать и интересоваться медицинскими журналами.

Вопрос был решен. Габби будет их читать и притворяться, что понимает. Пускай себе Сэм воображает, что его компаньон понимает научные журналы, не ему же разочаровывать его. Итак, долгими зимними вечерами Габби читал о всех новейших открытиях при лечении болезней. Среди книг находился словарь, в котором он мог находить многие непонятные выражения. С тех пор этот словарь сделался драгоценнейшим его имуществом.

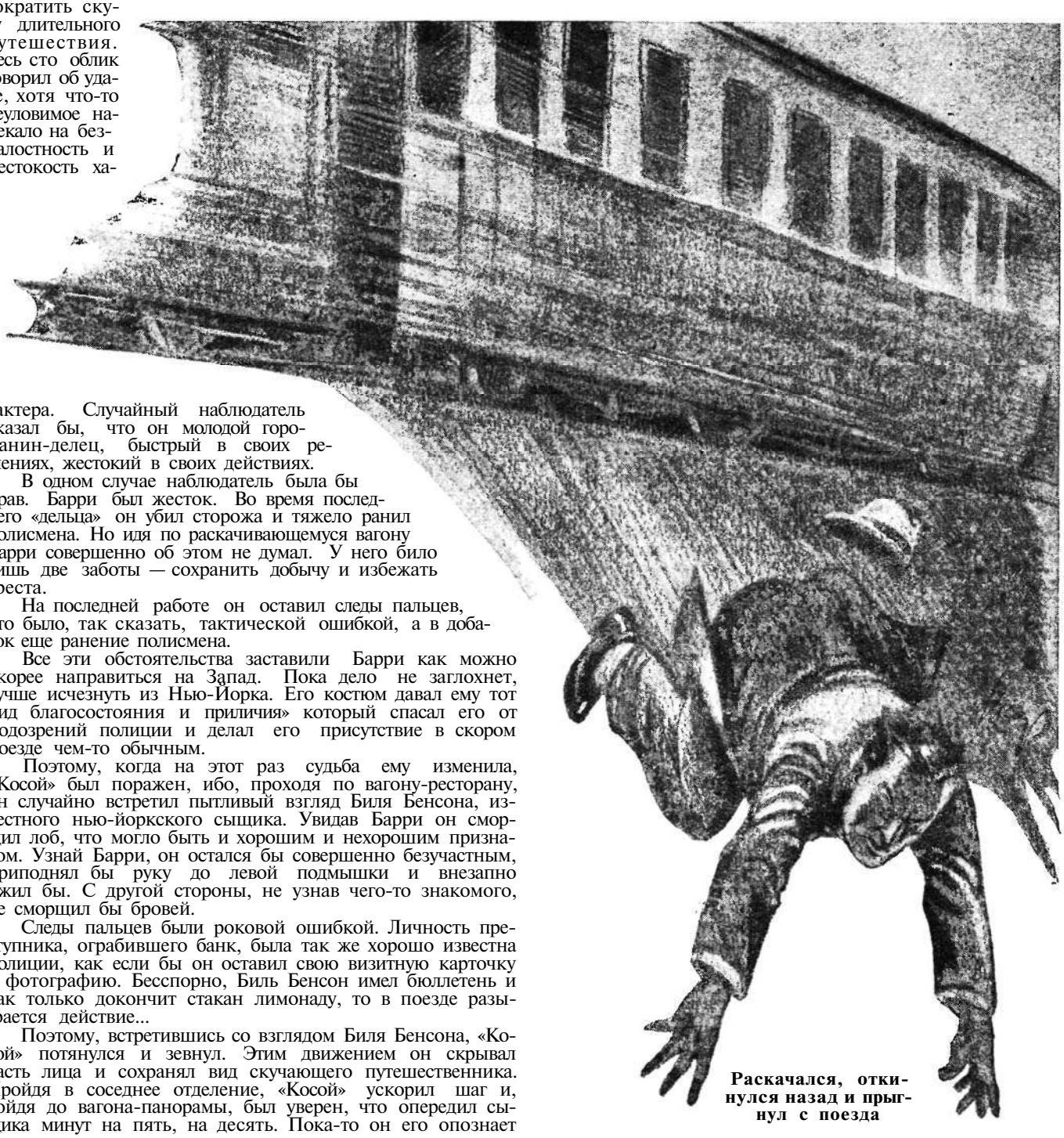
Чтению медицинских книг было суждено вести за собой большие и многозначительные последствия. Первым из них было появление у Габби признаков всех возможных и невозможных болезней, вторым (пока скрытым в тумане будущего), была мысль о даровой поездке в Нью-Йорк и получении пожизненной ренты.

Законы самовнушения были мало знакомы Габби. До сих пор он не знал, что такое день недомогания, и хвастался, что крепок, «как орех». После двух недель чте-

ния журналов, он превратился в физическую руину, умирающую от сердечной болезни; Габби был глубоко убежден, что ему осталось лишь несколько недель жизни. Он не жаловался все же и добросовестно отрабатывал свою смену, хотя был уверен, что эти усилия повлекут за собою раннюю смерть.

* * *

«Косой» Барри шел через качающийся вагон-панораму с видом пассажира, желающего прогулкой вдоль поезда сократить ску-у длительного путешествия. Весь сто облик говорил об удаче, хотя что-то неуловимое намекало на безжалостность и жестокость характера. Случайный наблюдатель сказал бы, что он молодой горожанин-делец, быстрый в своих решениях, жестокий в своих действиях.



В одном случае наблюдатель была бы прав. Барри был жесток. Во время последнего «дельца» он убил сторожа и тяжело ранил полисмена. Но идя по раскачивающемуся вагону Барри совершенно об этом не думал. У него било лишь две заботы — сохранить добычу и избежать ареста.

На последней работе он оставил следы пальцев, что было, так сказать, тактической ошибкой, а в добавок еще ранение полисмена.

Все эти обстоятельства заставили Барри как можно скорее направиться на Запад. Пока дело не заглохнет, лучше исчезнуть из Нью-Йорка. Его костюм давал ему тот вид благосостояния и приличия» который спасал его от подозрений полиции и делал его присутствие в скором поезде чем-то обычным.

Поэтому, когда на этот раз судьба ему изменила, «Косой» был поражен, ибо, проходя по вагону-ресторану, он случайно встретил пытливый взгляд Биля Бенсона, известного нью-йоркского сыщика. Увидав Барри он сморщил лоб, что могло быть и хорошим и нехорошим признаком. Узнай Барри, он остался бы совершенно безучастным, приподнял бы руку до левой подмышки и внезапно ожил бы. С другой стороны, не узнав чего-то знакомого, не сморщил бы бровей.

Следы пальцев были роковой ошибкой. Личность преступника, ограбившего банк, была так же хорошо известна полиции, как если бы он оставил свою визитную карточку и фотографию. Бесспорно, Биль Бенсон имел бюллетень и как только докончит стакан лимонаду, то в поезде разыграется действие...

Поэтому, встретившись со взглядом Биля Бенсона, «Косой» потянулся и зевнул. Этим движением он скрывал часть лица и сохранял вид скучающего путешественника. Пройдя в соседнее отделение, «Косой» ускорил шаг и, дойдя до вагона-панорамы, был уверен, что опередил сыщика минут на пять, на десять. Пока-то он его опознает и начнет искать.

«Косой» открыл дверь, вышел на платформу вагона, сел на медную перекладину перил, перекинул через нее ногу и осторожно посмотрел вперед. Поезд летел с ужасающей быстротой, но ему казалось, что чувствовалось все-же небольшое замедление. Впереди виднелись: сарайчик, водокачалка и сигнальная доска у самого полотна. Поезд замедлял ход, ждать остановки он не смел. Держась одной рукой, он раскачался, откинулся назад и прыгнул с поезда. Потеряв равновесие, упал в песок, превратился в массу летающих во все стороны рук и ног, катившихся среди поднятых поездом облаков пыли.

Но песок был мягок, а «Косой» тверд. Пролежав с минуту, он встал, встряхнул пыль и со вздохом посмотрел вслед поезду. Он знал, что через несколько минут в поезде начнется лихорадочная деятельность. А телеграфные провода позволяли даже остановить поезд. Словом, можно было быть уверенным в той или иной погоне и очень близкой.

К полотну шла дорога и на ней «Косой» увидал приближающегося всадника. Глаза преступника сузились, элегантно оманикюренная рука поднялась к левой мышке, чтобы убедиться, что плоский автоматический револьвер на месте, а затем он направился к дороге.

Раскачался, откинулся назад и прыгнул с поезда

Доктор Уиллит удивленно остановил лошадь:

— Алло! Как это вы попали в эту часть пустыни? Автомобиль сломался, что-ли?

Не отвечая, «Косой» продолжал подходить. Доктор Уиллит с любопытством смотрел на элегантную одежду, светлую кожу, лишенную и следа загара, на косые серые глаза. Вдруг оказалось, что он смотрит прямо в дуло револьвера.

— Мне нужна эта лошадь! — сказал мужчина.

Доктор вспомнил о лежащем в седле револьвере и подумал, не шутка ли это все. Человек выглядел почтенным горожанином, видимо из Восточных штатов, путешествующим или поездом, или автомобилем.

— Еще секунда и я вас сброшу! — заявил Барри. — Руки вверх и слезайте!

Доктор обязан быть психологом и Уиллит распознал в тоне голоса нечто, вызвавшее на его спине холодную дрожь.

— Послушайте! — сказал он. — Я врач, еду быстро и издалека по важному делу. В пяти милях лежит умирающий ребенок: я ехал на автомобиле и кончаю путь верхом. Не знаю кто вы, но я еду по делу милосердия. Отпустите меня и забудемте, что встретились.

Что-то в позе Барри заставило доктора внезапно отброситься в сторону. Послышался зловещий щелчок автоматического револьвера и на том месте, где за мгновенье была его голова, просвистела пуля. На лице «Косого» появилась жестокость, напоминающая выражение гремучей змеи в -минуту удара.

Доктор Уиллит весь побледнел и, подняв руки, завопил.

— Не стреляйте!

«Косой» провел языком по губам и блестящими глазами посмотрел на свой револьвер.

— Попал бы прямо в лоб! Убирайтесь поскорее. Боюсь, что мало патронов, а то бы уложил на прощанье.

Десять секунд позднее, разбойник сидел в седле, а доктор стоял на пыльной дороге.

Опустив голову, злосчастный медик побрел по дороге. Ноги вязли в песке, со лба тек пот. Он решил во что-бы то ни стало дойти до своего больного. Впереди мчался «Косой» Барри. До этого дня он никогда не ездил верхом, однако, был решителен и мускулист, а лошадь великолепное животное, хорошо выезженное, с мягким ходом. Держась одной рукой за луку седла, «Косой» начал другой осматривать свое вновь приобретенное имущество. Он нашел фляжку виски, манерку с водой, завтрак и револьвер. Ухмыльнулся от удовольствия. Черный мешок с докторскими принадлежностями был ему бесполезен. «Косой» умел взломать сейф, был необычайно ловок, но читал с трудом и умел лишь подписать свое имя. Он был невежественен, беспощаден и хитер. Через каких-нибудь пол часа он увидал перед собою небольшое ранчо. По ирригационным канавам вяло сочилась вода, в садике росло немного зелени, за небольшим домиком видны были конюшня, огород и несколько тощих деревьев.

Перед домом стоял загорелый, коренастый мужчина. Увидав всадника, он выбежал на дорогу, размахивая руками.

— Слава богу, во-время приехали, доктор!

Бари быстрым взглядом осмотрел все кругом. Поблизости паслось несколько лошадей. В доме могли находиться еще другие мужчины. Убить этого человека на месте — могло вызвать погоню на свежих лошадях.

«Косой» вздохнул и неловко слез с лошади.

— Вы не доктор Уиллит? — заявил в недоумении загорелый человек.

— Я его помощник, доктор Барри. Уиллит не мог приехать и прислал меня! — объяснил Барри, держа руку у левой мышки.

Ранчер кивнул головой.

— Отведу вашу лошадь. Ребенок в доме.

— Привяжите лошадь к изгороди: мне могут понадобиться вещи, привязанные к седлу.

Войдя в дом, «Косой» не знал, как держать себя. В полумраке комнаты трудно было что-либо разглядеть. Несмотря на то, что в комнате было прохладнее, воздух был тяжелый, спертый. Глаза его быстро освоились с темнотой. На постели лежало нечто белое, ворочающееся в лихорадочном припадке и бормочащее несвязные слова. Рядом сидела полная кроткая женщина.

— А разве с вами не живет еще кто-нибудь? — спросил как бы мимоходом, «Косой».

— Только я да жена чередовались у маленького и порядком-таки утомились. Вот доктор Барри, взамен доктора Уиллита!

Женщина устало улыбнулась.

— Не смела надеяться, что приедете во время. Точно вечность прошла, как вызвали вас.

«Косой» не дал прямого ответа.

Осматривая комнату, он заметил свернутую кольцом веревку, висевшую на стене и рядом несколько ружей.

— Вы здесь вдвоем? — переспросил он.

— Нас только двое! — ответил мужчина.

— Тогда руки вверх, да поживее! — приказал «Косой», и в его руке заблестел револьвер.

Связав их, он начал шарить по комнатам, ища денег. Если у них есть деньги, то они в доме. Банки не для таких. Наконец, он отыскал их в постели ребенка, которого он опрокинул к стене, чтобы обшарить кроватку. В немом ужасе муж и жена следили за ним, выражение недоумения сменилось беспомощным бешенством.

— Но вы развяжите нас, чтобы ухаживать за ребенком! — простонала женщина.

— Будьте благодарны, что не отправил вас всех троих к праотцам! — С этими словами он исчез за дверью, сел на лошадь и поскакал по поднимавшейся к подножию гор дороге.

«Раз попаду в горы, всей полиции мира не сыскать меня!» — хвастался «Косой». Дорога кончилась у покинутого домика, а далее тянулась пустыня, через которую шла тропинка прямо к горам. «Косой» повернул лошадь по следу. Он мог ясно рассмотреть склоны ближайших гор и вершины более высоких. На ближайшей горе он рассмотрел нечто, вроде черного шрама около вершины. «Косой» мало был знаком со скважинами и шахтами, решил, что это пещера, по всей вероятности годная для отдыха и открывающая вид на все протяжение пустыни. Решил, что передохнет там несколько часов, прежде чем углубиться в горы.

***

В маленькой хижине, сколоченной из старых ящиков досок и нескольких кусков гальванизированного железа на плитке, сложенной из кирпича с железным листом поверху, сидел Габби. В комнатушке пахло жареным мясом Из котла валил пар, из чайника — душистый аромат.

Дверца раскрылась; заслоняя свет своей широкой фигурой, стоял Сэм Свифт.

— Пришел тебе сказать, Габби, что жила нас начисто обманула. От нее осталось также мало, как от льдинки летом.

Лицо Габби не изменилось, только глаза заморгали сильнее.

— Ну, что же делать! Значит нам конец. У нас не хватит денег, чтобы прожить даже до заявки на другую жилу Л ведь досадно! Впрочем, мне сегодня, когда я глядел на скалу, чуялось что-то скверное.

Сэм тяжеловесно опустился на скалу и постарался улыбнуться.

— Ну, что же Габби! Правда, мы уже стары и судьба не раз уж нас чистила, а все же с голоду еще не померли. Можем высушить оленину, собрать свои пожитки и отойти на более сухое место. Мне уж по горло надоело рыть в горе, а затем вся работа ни к чему.

Габби кивнул головой.

— Послушай, Сэм, не лучше-ли тебе достать себе другого товарища. Не хочу на последки стать обузой, хотя я и крепился, но, думается мне, что мое сердце тяжелой работы не выдержит.

— Что? — воскликнул Сэм, осматривая с беспокойством старого товарища.

В это мгновение послышался топот карабкающейся в гору лошади и легкое ржание. В дверях стоял «Косой» Барри.

— Я голоден, услышал запах еды и зашел спросить, не продадите-ли мне обеда?

Старики искоса посмотрели друг на друга. Габби ответил:

— Чорт возьми, откуда вы, что предлагаете плату за обед. Садитесь вон на тот ящик и возьмите себе кусок оленины, которую я сам приготовил.

Сэми пошел к двери.

— Посмотрю за лошадью. Вот тебе и на! Лошадь то не привязана, а она домой драла дала.

Он исчез в сумерках, где слышны были его увещания, свистки и ругань. Вернулся он с озабоченным видом.

— Послушайте, незнакомец, больно уж вы неосторожны! Лошадь ваша не остановится, пока не добежит до ранчо, а это за двадцать с чем-то миль. За седлом был черный мешок. Что вы доктор будете, что-ли?

«Косой» рассмеялся, кивнул головой. Он размышлял. В седле была еда, а лошадь была средством передвижения. Спастись от преследования трудно. Лошадь пробежит мимо ранчо и прямо наткнется на того, от которого он ее отнял. Невеселые перспективы.

Габби угощал.

— Кончите, тогда расскажите, как вы сюда попали? Быть может поможем.

«Косой» не подымал глаз с тарелки. Он чувствовал, что вопросы вызваны не одним только пустым любопытством. Молча глотал свою еду. Им медленно овладевала паника. Что если полиция организовала погоню, встретит лошадь и по следам найдет сюда дорогу. Он рассчитывал поесть и затем под прикрытием ночи углубиться в горы, а там или вернуться обратно к железной дороге или где-нибудь нанять автомобиль.

— Работаете с Доктором Уиллктом? — полуспрашивая, полуутверждая, заметил Габби.

«Косой» опять кивнул головой. Но ответить было подозрительно.

— Послушайте! — сказал он, отталкивая тарелку. — За десять миль, где-то в горах, лежит больной, у него сломана нога. Товарищ его приходил и говорил, что где-то там есть долина и там у ключа стоит хижина. Знает-ли кто из вас о такой долине в этой местности?

Старики переглянулись.

— Вероятно, Тайнерс Флат! — сказал Сэм, расчесывая бороду.

Габби моргнул глазами.

— Но от нас не менее пятнадцати миль; надо бы взять другую дорогу, та покороче будет.

«Косой» облегченно вздохнул.

— Хочу просить вас показать мне туда дорогу, — сказал он. — Есть у вас лошадь?

— Послушайте, доктор! — сказал Габби, подсаживаясь ближе. — Видите, у нас здесь заявка; я на ней работал несколько лет и получил синовитис.

Габби остановился в надежде, что ослепил доктора знанием медицинских выражений.

«Косой» сердито посмотрел.

— Мало знаком с рудой, быть может и хорошее дело, коль так находите.

Наступило молчание. Сэм мрачно хмурился.

— А кроме того, у меня немного эндокардита.

— Быть может, что и выгодно. Я мало в руде смыслю! — ответил «Косой», думавший лишь о том, как заставить горняка отвести его вглубь гор.

— И немного миокардита! — добавил Габби.

«Косой» нетерпеливо вскочил.

— Ну и какое мне дело до вашей проклятой руды! Не собираетесь же вы мне ее дарить.

— Чорт побери, да я о болезнях говорил, а не о руде. Какой же вы доктор! — воскликнул раздраженным голосом Габби, сердившийся скорее на себя, чем на гостя. Разбойник понял, однако, что выдал себя с головой и решился действовать, не теряя времени. Стол полетел на сторону, в руке блеснул револьвер.

Как не был быстр «Косой», он не подозревал ловкости старой горной крысы. У Габби уже ранее появилось некоторое подозрение, а выражение, мелькнувшее на лице гостя перед тем, как он уронил стол, дало ему время сообразить. Ружье было еще привязано к седлу, лежавшему снаружи за хижиной. В сухом, жарком климате не приходилось прятать оружие, к тому же оно служило больше для охоты, чем для защиты.

Габби бросил лампу о стену, согнулся и исчез в вечной тьме. Блеснул огонь, направленный на то место, где он за секунду до этого стоял, и затем послышался треск выстрелов. В хижине послышался шум борьбы. Хруст удара по кости, стон и торжествующий голос гостя.

— Проучу вас быть нахалом!

Габби овладело бешенство. Прокляты щеголь, вероятно, убил Сэма, ударив стволом револьвера по его лысой голове.

Самая искренняя любовь, соединяла этих двух старых товарищей, быть может, еще глубже потому, что скрывалась под оболочкой грубых шуток. Габби решил, что этот человек заплатит жизнью за жизнь Сэма; опустил с седла ружье и притаился наготове привести свой приговор в исполнение.

Берясь за ружье, он встретил моток крепкой бечевки, лежащей в мешке седла.

Из дома послышался окрик:

— Послушайте, старый дурак, мне нужны ваши ослы и вы, как проводник. Убить ли мне вас или вы сдаетесь?

— Будьте вы прокляты! — ответил взбешенный старатель. — Пригвоздить, что-ли, вашу шкуру к стене хижины? Где я стою, могу обстрелять хижину со всех сторон.

Голос «Косого» сделался жестким и металлическим.

— О, нет, не удастся! Вы там на площадке без всякого прикрытия и без света. Как только захочу, выползу из хижины, освещу вас и начиню свинцом.

Габби призадумался. Выползти то он мог, но найти его, Габби, не так-то легко, если только у горожанина нет в кармане электрической лампочки. Он тихонько издал проклятие.

— У меня с собой электрический фонарик и, если захочу расстрелять вас на кусочки, то не трудно.

Габби раздумывал и тут-то вспомнил уловку в ночной перестрелке, которой выучился у индейцев. Уже много лет не пришлось ею пользоваться.

— Хорошо, дайте мне минуту подумать! — проговорил он, быстро, крепко привязывая конец бечевки к луке седла. Бесшумно прополз он мимо двери хижины, туго притягивая бечевку в расстоянии двадцати ярдов. Пройдя дверь, он пополз обратно натягивая ее так, что она оказалась в трех ярдах от двери и на уровне талии. Держа в левой руке бечевку, натянутую, как струну, он положил дуло ружья так, что оно почти с математической точностью лежало на ней.

Внизу, где-то в долине, послышалось отдаленное ржанье, но он был слишком занят, прилаживанием ружья, чтобы обратить на это особое внимание. Все его мысли были сосредоточены на дверях хижины.

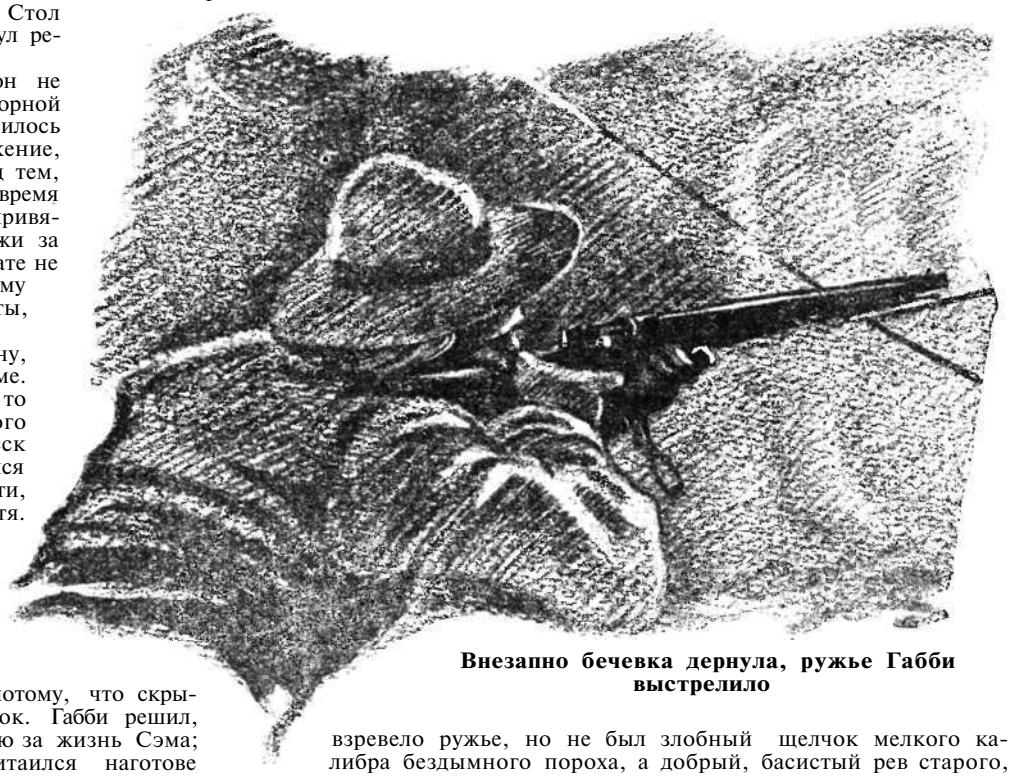
— Пошевеливайтесь! — прорычал нетерпеливо «Косой. — За это время успел бы покончить с вами и быть в дороге. Сдаетесь или нет?

Габби вытянул бечевку, чтобы еще раз удостовериться, что она хорошо натянута и прокричал:

— Койот! 1) Ни тебе и никому из таких, как ты, не собираюсь сдаваться. Выходи только из хижины, изрешечу тебя!

В ответ послышался тихий насмешливый смех. Прошла минута, другая. Звезды покрывались мчавшимися тучами, прохладный, тихий ветер шептал по склонам гор. Ковыль и шалфей шелестели. В хижине царило молчание.

Внезапно бечевка дернула, ружье Габби выстрелило, пуля пролетела прямо по натянутой бечевке, которой где-то в темноте, прижато было тело разбойника. Еще и еще раз



Внезапно бечевка дернула, ружье Габби выстрелило

взревело ружье, но не был злобный щелчок мелкого калибра бездымного пороха, а добрый, басистый рев старого, сорока пяти миллиметрового ружья.

После четырех выстрелов, оставшихся без ответа, Габби остановился. В ружье оставалось еще два заряда и они могли понадобиться. Ответа не было, послышался лишь слабый, хриплый стон. Габби потянул бечевку и понял, что тело упало через нее.

Спокойно Габби подошел к месту, где веревка была прикреплена к земле и зажег спичку.

Увидав, что ему нечего более опасаться человека, желавшего его убить, он вошел в хижину, зажег свечу и нагнулся над телом Свифта.

---

1) Американская ругань. Кайот — волк прерий, который в большом количестве водится в Техасе и Мексике.

— Слава богу! — пробормотал он. — Череп у него такой крепкий к гладкий, что удар соскользнул. Кожа разорвана и сам он в беспамятстве, но череп цел.

Выпрямив на полу тело товарища, Габби облил его лицо водой, после чего Сэм сделал движение, открыл глаза, сел и разразился неописуемой руганью.

— Где он? — спросил он, вскарабкиваясь на пол и держа больную голову мозолистой рукой.

— Вон там! Пойдем посмотреть, каков он?

Взяв свечу, они подошли к тому месту, где лежал «Косой». Видимо мошенник вышел, отвернувшись от той стороны, где подкарауливал его Габби, так как весь заряд попал в правый бок, из которого теперь медленной струей лилась кровь.

— Втащим его, надо раздеть! — сказал Габби.—Еще, пожалуй, неприятности выйдут из-за этого непрошенного, гостя.

Они втащили разбойника в хижину, раздели, перевязали и затем Габби осмотрел желтый кожаный пояс с карманом для денег.

— Глянь-ка! — заметил он, вытаскивая бумажку в тысячу долларов. — Нечего сказать, не с маленькой добычей удирал молодчик. Да, ведь он приходит в себя!

«Косой» моргнул глазами, выругался слабым голосом и прорычал:

— Как это вам удалось?

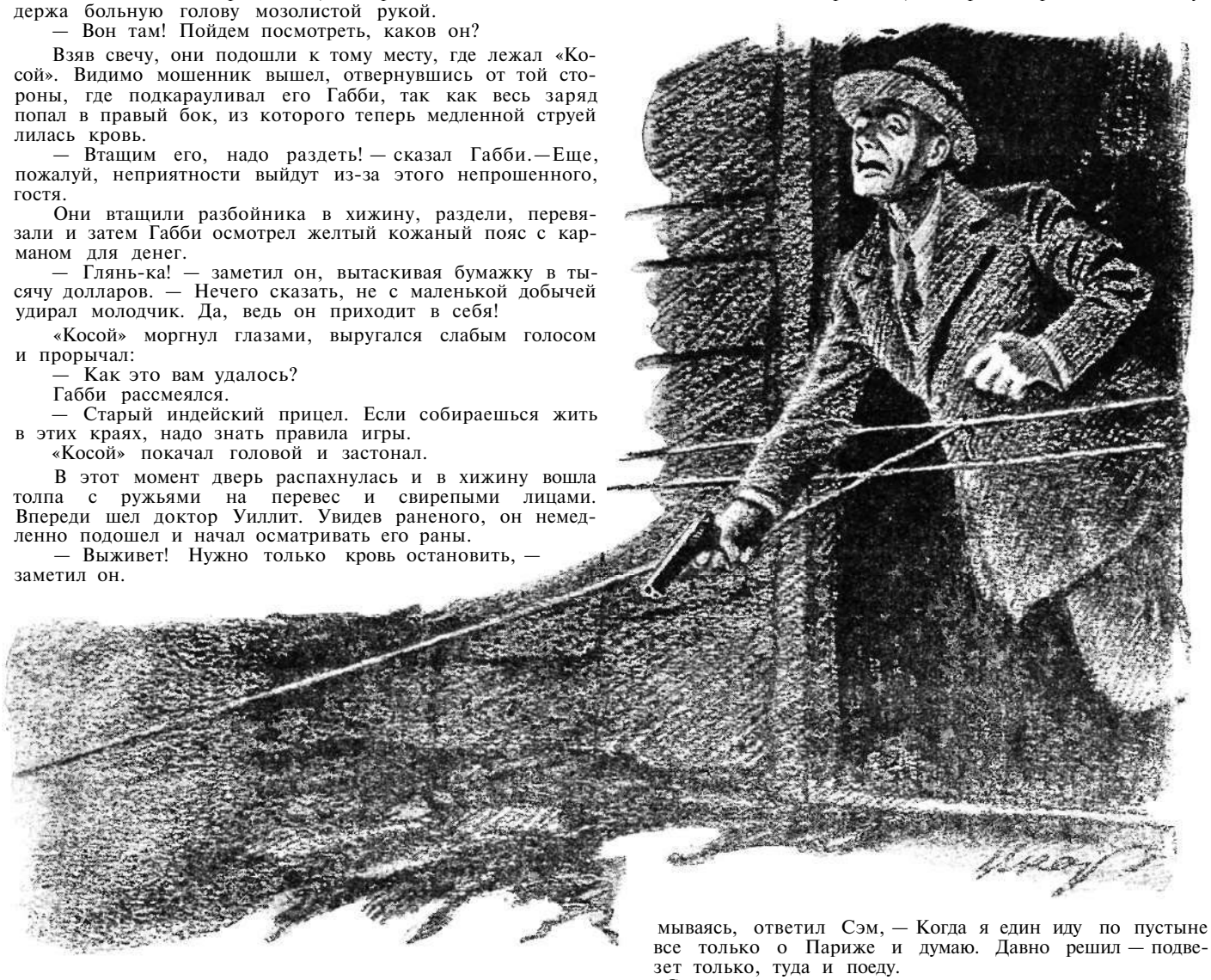
Габби рассмеялся.

— Старый индейский прицел. Если собираешься жить в этих краях, надо знать правила игры.

«Косой» покачал головой и застонал.

В этот момент дверь распахнулась и в хижину вошла толпа с ружьями на перевес и свирепыми лицами. Впереди шел доктор Уиллит. Увидев раненого, он немедленно подошел и начал осматривать его раны.

— Выживет! Нужно только кровь остановить, — заметил он.



«Косой» сжал губы и отказался что-либо отвечать. Пока доктор Уиллит перевязывал раненого, Габби и Сэм расспросили полицейских и узнали, что сыщик опознал преступника в поезде; не успев его арестовать, он устроил погоню, получил паровоз, чтобы вернуться обратно по линии, затем напал на след преступника и встретился наконец, с доктором Уиллитом. Медикаменты доктор смог получить обратно, встретив по пути украденную у него лошадь. Лошадиные же следы и ружейные выстрелы привели их к хижине.

В то время, как доктор перевязывал головную рану Сэма Свифта, сыщик весело улыбнулся.

— Повезло же вам, молодцам! — заметил он. — За поимку этого молодца около пятнадцати тысяч долларов, да десять процентов с полученных обратно украденных денег, тоже составит не мало. Вам придется поехав в Нью-Йорк за получкой денег.

Сэм посмотрел на Габби, Габби посмотрел на Сэма.

— Вот тебе и раз! — пробормотал Габби. — А мы думали, что разорены. Быстро поворачивается колесо счастья. Что мы с этими деньгами сделаем Сэм?

— Поедем во Францию, в город Париж! — не задумываясь, ответил Сэм, — Когда я един иду по пустыне все только о Париже и думаю. Давно решил — подвезет только, туда и поеду.

Сыщик рассмеялся.

— Вы уже не молоды, голубчики! Лучше купить вам пожизненную ренту, чтобы у вас был постоянный ежемесячный доход.

Габби покачал головой.

— Сыночек, вы нас не знаете. Ренту можно купить из того, что останется, а уж если Сэму разможжили голову в этом деле, то уж перечить ему не станем, да и мне оно как-то нравится тоже. Возьмите половину для пожизненной ренты, но с остальной половиной, Сэм и я, едем в Париж! А теперь, вот что скажу вам:

Будь у меня, действительно, миокардит, эндокардит или какая-нибудь болезнь, не выдержать бы всего этого переполоха.

И Габби рассмеялся над удивленным взглядом появившимся у доктора.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Начиная с марта месяца в журнале будет указываться, какое с этим номером высылается приложение.

Рассказ В. ЛЕВАШОВА **Иллюстрации Г. Фитингофа.**

***

Во всем мире только я один знаю тайну полковника С.

Публикации в газете говорят о том, что на Урале, в Н. районе, недалеко от деревни «Бугры», в глухом, мало проходимом месте, найдены остатки странного автомобиля, похожего на военный танк, но имеющего приспособления, нарушающие это сходство. Это и есть танк полковника С. — «Танк смерти», стяжавший себе, в свое время, ужасную известность и таинственно пропавший.

Там, где лежат остатки этого удивительного автомобиля, несомненно нашли и кости его изобретателя, потому что танк погиб вместе с его творцом и я был виновником их гибели.

Случай иногда ставит двух человек лицом к лицу, предоставляет им право суда друг над другом, и это правосудие не знает другого приговора, как смерть. Так было и тогда: полковник С. погиб, а я остался жив. Останься он жив, его проклятая машина продолжала бы делать свое дьявольское дело.

Я знаю, что мне осталось недолго жить. Те страдания, которые выпали на мою долю, привели меня к концу. Я скоро умру и поэтому буду совершенно объективен. Для меня безразличен суд людей и не для этого я нарушил молчание.

Постараюсь быть краток.

Совершенно не важны географические и хронологические объяснения, описания и ссылки; поэтому, я не буду их касаться.

Я познакомился с полковником С. в не обычной обстановке. Отряд, в котором я находился, был разбит и мы, восемь человек, взяты в плен. Расправа была короткая: за старым сараем нас поставили к стенке и взвод спокойных, хмурых людей приготовился стрелять.

В последний момент из-за сарая прозвучал резкий голос:

— Не стрелять!

Вот тогда я, первый раз, увидел полковника С. К нам приближался быстрыми шагами человек средних лет, полный и высокий. Манера держаться неуловимо обнаружила в нем недавнего штатского, но жест был по военному отчетлив и резок.

— Есть среди вас шоффер? — обратился он к нам.

Никто не ответил. Полковник нахмурил брови:

— Нет, значит? — повторил он вопрос.

Я — техник-автомобилист, прекрасно знаю автомобиль, но все это вылетело у меня из головы в эту минуту. Вероятно потому, что я считал себя уже умершим, безразличным к обыденным явлениям, к обыкновенным вопросам и словам.

И только тогда, когда полковник сделал нетерпеливое движение, я сказал:

— Я знаю машину.

— Как знаешь? Шоффером был или кем?...

— Я — техник... Знаю машину... ездили много ... и если ремонт...

— Отойди в сторону! — скомандовал он.

Я отошел.

— Иди вперед!

Я повиновался и пошел, как в полусне. Мы завернули за сарай и в это время грянул залп. Я остановился, задыхаясь. Тяжелая рука легла мне на плечо:

— Вперед и не останавливаться!

Я пропущу совершенно неинтересные подробности о том, как прошел месяц и я, из простых шоффероов, превратился в сотрудника полковника С. Мой опыт принес ему пользу, меня же полковник, в свою очередь, увлек необыкновенной широтой своих идей, своими обширнейшими познаниями. К тому же мы занимались мирной работой и я, пленник, не мог упрекнуть себя в измене делу, за которое боролся. Работал со спокойной совестью, надеясь, что плен не будет продолжительным.

Полковник не был ни политическим авантюристом, ни слепым ненавистником враждебного ему класса, но для него не было выбора. Он был слишком заметен и не мог бросить дело, за которое взялся. Он дорогой ценой заплатил за возможность осуществить свое изобретение и для него не было отступления. Трагически одинокий, он был рад свежему человеку, который не только понял его, но и существенно облегчил его задачу.

Авторитет его был велик и я сам присутствовал при его разговоре с лицом, которое, по отношению к нему, стояло как прежде царь по отношению к министру. И тот, старший, терялся перед ним и, любезно соглашаясь со всеми доводами полковника, расспрашивал — скоро ли окончится постройка танка, который произведет революцию в деле военного автомобилизма.

Но при всем его доверии ко мне, он не забывал, что я — человек другого лагеря и использую малейшую возможность освободиться из плена. Он как-то просто сказал мне:

— Я прошу вас запомнить, что я могу убить вас без всякого суда, без малейшей необходимости отвечать перед кем-либо за это убийство, и сделаю это, если вы не будете пассивно послушны. От рас зависит уехать за-границу, когда наступит время. Уехать,

хорошо обеспеченным. Выбирайте и помните, что в обоих случаях я сдержу слово.

И я твердо помнил.

В первый раз, когда я увидел мастерскую, где происходили работы, я поразился той энергии, с которой этот человек, в невозможных условиях, при рыхлом фронте и таком же правительстве, организовал мастерскую с новенькими станками, прекрасными инструментами, горой материала.

Мастерская делилась на две части. В одной работало под руководством старика-техника трое рабочих. Вторую комнату полковник открыл сам и жестом приказал мне войти. Посреди обширной комнаты стоял обыкновенный гусеничный танк, в полусобранном состоянии. Первой особенностью была несоразмерная длина и, если можно так выразится, «суставность».

Я стоял, ожидая приказаний.

— Осмотрите его, как следует.

В этой машине все было обычно, но мощные стойки впереди и рельсовой путь, идущий по шасси и состоящий из разборных гибких рельс, указывали на то, что какие-то усовершенствования, какие-то новые принципы введены в эту машину.

— Ваше место будет здесь! Вы будете вести машину. Я полагаю, что недели через две мы произведем испытание. За это время вы должны ознакомиться с машиной, потому что кроме вас и меня на ней никого не будет. Я вас пока запру. Там на столе приготовлен ужин. Познакомьтесь с танком и постарайтесь усвоить его особенности.

Я остался один.

В комнате горели две большие лампы. Было светло и спокойно. Но оттого ли, что я находился во враждебном лагере, оттого-ли, что сюда доносились свистки паровозов, крики автомобилей, голоса людей, особенные, напряженные, «военные», оттого-ли, что стоял перед неразрешенной загадкой, но я был крайне взволнован.

Влез на машину и стал ее рассматривать. Прежде всего меня удивило то, что три мотора, находящиеся на машине, не были укреплены стационарно, а получали особое движение по шасси. Зачем это было нужно? Дальше: установки для орудия (их было четыре) также были подвижны и скользили по особым направляющим. Это было еще понятно: вероятно этим достигался обстрел с одной стороны, группировка всех орудий по одному направлению. Я подлез под автомобиль и, положительно, стал втупик: колеса и оси были сконструированы так, что их можно было поднимать на автомобиль, то-есть машину можно было приводить в «бесколесное» состояние.

На миг мне показалось, что я разгадал секрет этого необыкновенного танка: очевидно, колеса снимаются и танк получает пловучесть: старая мысль, кажется, давно осуществленная за-границей: автомобиль для земли и воды. Но ничто не указывало на присутствие каких-либо приспособлений для плавания, а они должны были быть значительны, принимая во внимание вес танка. Я вылез из-под танка и беспомощно уставился на него.

В эту минуту щелкнул замок и вошел полковник:

— Ну? — спросил он меня.

Я развел руками.

— Ничего не понимаю! Очевидно только одно, что танк должен легко разбираться и собираться. Но цель, цель? Легкость транспортирования? Не может быть. Потом рельсовый путь, три мотора. Что это?... Зачем?... Здесь, что-то сложное, чего я не могу понять.

Я продолжал говорить, приводя различные соображения, а полковник стоял около меня, не спуская глаз и, кажется, наслаждался моей беспомощностью.

— Вы совершенно правильно установили (да этого нельзя и не заметить), что танк должен легко разбираться и собираться. Но мало этого: все части его— каждая в отдельности — должны получить движение.

— Куда же им нужно двигаться?.. Зачем..—Почти закричал я.

— Вверх, вниз, прямо! — сказал полковник.

Я остолбенел. «Сумасшедший» мелькнуло на секунду у меня. Но нет! Он стоит уверенный, спокойный, как человек, достигший своей цели.

Мой взгляд был слишком красноречив и я смутился:

— Танк-аэроплан?.. — пробормотал я.

Полковник улыбнулся:

— Нет, и не это! Завтра я объясню вам некоторые детали и все особенности. Эти две недели вы будете работать здесь, а на сегодня довольно.

Я до сих пор не знаю, был-ли я его собеседником в тот вечер, когда закончилась наша работа. На некоторое время он как-бы снял маску. А может быть, только переменил ее. В той же мастерской он стоял перед столом и горячо говорил о своем совершенно простом, но, по моему, удивительном изобретении:

— Сначала вы предположили, что это — конструкция земноводного танка. Отсутствие необходимых приспособлений подтвердило вашу ошибку. Затем остается комбинация танка с аэропланом. Это слишком рано. Эта мысль (вполне реальная) не может быть еще осуществлена в силу коренного различия основных принципов строения и назначения аэроплана и танка.

Когда я думаю о танке, передо мною не громадный, малоподвижный сухопутный броненосец, разрешивший трагедию Западного фронта в последнюю войну, а легкий, подвижной автомобиль, не знающий никаких преград на земле. Никаких преград на земле! — повторил полковник. — Не исключаются громадные водные пространства, пески, болота, горы. Все это должен преодолеть автомобиль. Я предвижу три, много четыре основных типа и первый — это тот, который я построил здесь. Я был вынужден применить его для военных целей. Иначе моя идея осталась бы неосуществленной.

— Какой же ценой куплено это осуществление? — не мог не спросить я.

Полковник пожал плечами:

— Ценой жизни нескольких сотен людей, в большинстве незначительных.

— Но ведь это...

— Довольно! Я не могу позволить вам касаться этой области. Вы не скажете мне больше того, что я знаю сам,

Я замолчал.

Продолжал уже ровным, спокойным голосом:

— Слушайте дальше. История развития военного автомобилизма...

Незаметно для себя я увлекся беседой с ним и мы проговорили до глубокой ночи. И все-таки я до сих пор не уверен в том: был ли я его собеседником в тот вечер, или он просто говорил при мне, желая высказать все то, что накопилось в нем за его некороткую и не совсем обыкновенную жизнь.

Наступил день испытания. Мы выехали по плохой весенней дороге. Танк был замечательно легок на ходу и повиновался управлению безупречно.

Полковник сидел рядом со мною. Он был совершенно спокоен и странно задумчив, в то время как я волновался и не мог скрыть этого.

Дорога круто повернула вправо и пошла небольшой ложбинкой. По одной стороне возвышались невысокие скалы, по другой шел лес — обычная картина этого края.

Впереди темной лентой упала быстрая неширокая реченка. Мы подъехали к берегу и я остановил машину.

Сходите и наблюдайте.

Я сошел. Полковник пустил в ход один из моторов и то, что представляло из себя рельсовый путь, стало медленно подниматься вверх, буквально, как выдвижная пожарная лестница, только сильная и гибкая. Теперь танк походил на гусеницу, которая, встретив препятствие, поднимает переднюю часть туловища, нащупывая дорогу. Мотор, не останавливался и «шея» гусеницы стала медленно склоняться над реченкой, опускаясь концом на берег, пока не легла легким сильным мостом.

— Идем на ту сторону! Проверяйте по часам каждую операцию и включите скрепы.

Он вернулся к машине и сел за мотор, находившийся на хвосте танка.

То, что произошло вслед за этим, было до смешного просто и... необыкновенно: танк стал частями переправляться на мою сторону. Сначала, слегка покачиваясь, поползли передние колеса, неся на себе ту часть, на которой обыкновенно устанавливается мотор, затем легко сползли на рельсы и двинулись ко мне, подчиняясь управлению с танка, орудийные установки; также легко вползли и стали на свои места самые орудия и так дальше, пока та том берегу не осталась небольшая площадка с мотором, за которым сидел полковник. Мотор гудел и площадка двигалась по мосту. Дошла, примкнулась к остальным частям и танк стоял собранным, готовый к дальнейшему путешествию. Полковник проверил скрепления, двинул танк и рельсовый путь остался позади. Выскочили какие-то крючья, захватили рельсовый путь и он начал сзади втягиваться в танк.

Переправа была окончена. Я не мог не зааплодировать.

— Сколько? — коротко спросил полковник.

— Двадцать восемь минут.

— Чорт! Это много, это очень много! Возвращаемся обратно.

Мы вернулись другой дорогой и все время полковник был задумчив. Видимо он высчитывал, комбинировал, а впрочем, кто знает, что крылось за этими серыми, холодными глазами.

В нашей мастерской, которая за последнее время стала нашей квартирой, я за ужином решился спросить полковника.

— Какое предельное время вы считаете возможным для переправы?

— Десять минут! И это будет сделано. На любую операцию: переправу, подъем, спуск — десять минут. Не больше!

— Вы дадите ему какое-нибудь название?

— Здесь его, вероятно, станут называть «танк смерти».

Он говорил холодно и отрывисто. Холодок пробежал по моей спине и я вспомнил залп, который уничтожил моих товарищей, а меня сделал соучастником полковника, его помощником.

Я подходил к грани и должен был начать действовать.

Это произошло через два дня.

Я проснулся ночью от тихого разговора в нашей комнате. Я прислушался и, вероятно, пошевелился, потому что сразу услышал окрик полковника.

— Вставайте!

Интуитивно почувствовав, что я не должен вставать, я не пошевелился, а только сонно вздохнул.

Голос «правителя» заканчивал фразу:

... И вы должны это сделать. Обстоятельства заставляют нас торопиться. Я тре... я прошу вас... конца: фразы я не расслышал.

Наступила пауза. Потом прозвучал спокойный голос полковника:

— Хорошо, дайте мне карту!

— Василий Васильич, карту!

Кто-то звякнул шпорами. Молчание и потом третий голос начал объяснять:

Вот до этой деревни, потом влево, до разрушенного здания, здесь верста, отсюда...

Соблюдая все предосторожности, я повернул голову. За столом сидел правитель, а по обе стороны склонились две фигуры: полковника и того, третьего. Как я пожалел, что у меня не было в эту минуту револьвера: головы находились на одном уровне и, при удаче, это был-бы эффектный выстрел. Нечаянно я сделал неосторожное движение. Койка заскрипела. Я постарался отвернуть голову и зачмокал губами, как спящий. Быстрые шаги направились ко мне и сухая тяжелая рука потрясла меня за плечо:

— Вставайте!

Я вскочил.

— Спокойно. Стойте здесь,

Я вытянулся у койки. Две головы повернулись в мою сторону, но я был скрыт темнотой и стоял неподвижно. Полковник вернулся к столу.

— Через час я буду готов. Результаты — он щелкнул крышкой часов, высчитывая время—около восьми утра.

Он приложил руку к козырьку и пошел провожать уходящих.

Я стоял и ждал. Он вернулся и крикнул от стола.

— Идите сюда. Через час мы выходим, Осмотрите машину и приготовьтесь.

— Опять испытание?

— Мы идем через час и... никаких вопросов!

В этой машине, как в живом организме, было все гармонично и целесообразно. Можно было ее не проверять: она работала как сердце здорового человека.

Темная ночь. Я веду танк. Полковник сидит рядом со мною в странной задумчивости.

Прибыли в деревню. Здесь, вероятно, нас ждали. Кто-то звякал шпорами, кто-то докладывал полковнику, вышедшему из автомобиля, какие-то тени осматривали, ощупывали машину. Я не знал, куда мы идем, но понимал, что сегодня будет уже не испытание, а «работа». Я не видел для себя выхода и должен был выпить чашу до конца.

Двинулись дальше. Дорога привела нас к маленькому плато. Кругом высились горы. Полковник поднял руку и я остановил машину.

— Выходите! — скомандовал он солдатам и они, сопя и стараясь не греметь винтовками, сползли на землю.

— Эх, ночка-то какая! — вырвалось у одного.

— Тише ты с ночкой. Даст он тебе ночку...

— Поставьте машину лицом к скале!— сказал мне полковник.

Фонари бросали ослепительный свет на бурый массив камня.

Полковник сел к мотору и опять гибкая сильная лестница поползла вверх.

— Свет, свет!..

Я направлял свет за ползущей лестницей и остановился, когда увидел темную зелень елок венчающих площадку скалы.

Ломая гибкие елки, лег на площадку край лестницы и она остановилась,

— Сядьте сюда и возьмите одного из них!— приказал полковник. Я занял место над переднею осью танка. Рядом со мной, бледный и растерянный, сел молодой солдат. Он укрепил между ног винтовку и вцепился обеими руками в борта.

Держитесь. Я веду!

Под нами вздрогнула площадка и подчиняясь силе, направленной снизу вверх, мы поползли туда, где из под конца лестницы белели сломанные елки. Вверх и вверх, пока мы не достигли площадки.

— Приехали! — прошелестел солдат, поспешно слезая на землю.

Я склонился вниз.

— Закрепите первый мотор, я направляю! — послышался глухой голос полковника.

Словом, произошло все то, что было тогда, на речке с той разницей, что теперь весь танк вполз на скалу. Все это было настолько удивительно просто, что даже солдаты—эти простые люди — повеселели. Вот только что стояла эта странная машина внизу, а вот уже здесь.

И нет ничего таинственного, ничего страшного.

— Здорово! Теперь куды хошь ползи...

— Никаких тебе...

— Тихо!—сказал полковник и голоса замолкли.— Майчук, вперед!

С потушенными огнями мы двинулись дальше, а за нами и впереди росла темнота и весь мир, казалось, прислушивался к нашим движениям, нашим шагам. Мы преодолели еще два больших подъема. Полковник посмотрел на карту.

— Правее! Стоп! — Майчук, пойдешь со мной. Вы остановитесь здесь! — обратился он ко мне и, подойдя ближе, сказал в пол-голоса: — Я не буду подвергать вас испытанию. Вы останетесь только зрителем. Но, никаких безумств! Поняли? Мною отданы приказания на этот случай.

Я молчал и ждал.

Полковник скрылся во тьме и скоро вернулся:

— Вперед!

Мы не прошли и двухсот шагов, когда Майчук сполз с передка и приложил руку к козырьку: — Так точно здесь.

Я остановил машину.

За деревьями мутнело небо. Мы подошли к самому обрыву. Внизу мирно спали какие то постройки. Пять огней, только пять огней я насчитал в этом маленьком местечке, но я сразу узнал его: станция Н., до сих пор неприступная позиция, удерживающая напор неприятеля, путающая его карты. Мишка Зверев — почти легендарный герой, засевший здесь, со своим отрядом, под надежной зашитой высоких скал. Теперь эта защита рухнула. Танк полковника С. свел ее на нет.

Огненные мысли рождались и гасли в моей голове. Передо мною развертывалась трагедия, а я мог быть только зрителем, только зрителем!

Огненный дьявол кинул во тьму блистающие огни. Они развернулись пышными цветами и осветили станцию. Вон сломанная будка, около нее лафет и человек с винтовкой, застывший в недоумении. Люди, еще люди. Крики и одинокие выстрелы.

— Огонь!

Одно, второе, третье, четвертое — заговорили' орудия своим беспощадным, убедительным языком Они громили, разносили в прах старенькое здание и маленькие сараи. Полковник сам управлял орудиями. Я си. дел, не зная — живу-ли я или весь этот ужас порождение ночного кошмарного сна.

Сколько времени продолжалась эта гекатомба.

Меня привел в сознание окрик полковника:

— Финита! По местам!

Я механически взялся за руль и на мои глаза упали капли пота, сбегающие с моего лба. Солдаты, веселые, задорные толпились у машины.

Мы тронулись обратно. Я поставил танк на месте и, отказавшись от завтрака, упал на койку. Сна не было. Его сменили странные видения, полубред.

Наступили сумасшедшие дни. Лишенный возможности какого-либо активного протеста, я сопровождал полковника в его экспедициях и скоро наш танк стали называть «танком смерти».

Сколько раз я искал случая уничтожить эту проклятую машину, погибнуть вместе с ней; сколько раз я подстерегал полковника. Напрасно! Он был осторожен и внимателен. Но развязка приближалась и я ждал ее. Полковник как-будто потерял, чувство меры. Я видел как у него превращается в спорт это уничтожение противника, как он пускается в опаснейшие авантюры, без всякой надобности. Что могло произойти с этим уравновешенным человеком? Хотел ли он получить полное признание его изобретения или он топил в угаре войны поднявшийся в нем протест культурного человека.

Однажды я сказал ему:

— Отпустите меня. Я имею право на это. Сдержите свое слово.

— Еще немного. Вы мне еще нужны. А слово свое я сдержу!

Вероятно, мое расстроенное воображение подсказало мне, что в последних словах была какая-то зловещая нотка. А может быть...

Медлить было нельзя.

Мы разбили небольшой отряд и чтобы до конца насладиться этой дешевой победой, полковник направил танк через горный перевал, наперерез отступающему, отряду. На этот раз мы были одни. Майчук, легко раненый, вернулся в часть.

Дорога была совершенно незнакома, да собственно дороги-то и не было, а мы прокладывали ее среди низкорослого кустарника. По крутому подъему и по-некоторым особенностям я определил, что подъем скоро кончится обрывом.

Внезапно я остановил машину. Полковник обернулся ко мне и сразу почувствовал опасность. Он выхватил револьвер, но я вышиб его и мы схватились грудь с грудью.

Молча на пространстве одной сажени, ударяясь о разные рукоятки, колеса и углы, мы продолжали борьбу. Он был достаточно силен. Смертельная опасность придала ему силы и я, с ужасом, почувствовал, что слабею. Мы катались по полу, рыча, как звери и в эту минуту спасительная мысль прорезала мой мозг: если погибать, так вместе. Сохраняя остаток сил, я улучил момент и дернул рычаг. Машина дрогнула и медленно поползла вперед, туда к обрыву. Я торжествовал: мы погибнем вместе с этой проклятой машиной и я буду отомщен.

Полковник выл от бешенства. Я вторил ему. Страшная картина. Как часто ночью я вскакиваю в ужасе и предо мной опять этот танк, злобное лицо полковника и наша последняя борьба.

Машина двигалась неуправляемая и вдруг сильно накренилась. Толчок отбросил полковника в угол. Я прижал его там и цепко схватил за горло. Он бил меня по голове, но я сжал ему горло из последних сил и задушил как зверя.

Теряя сознание, я перевалился через борт и упал среди тишины, вдруг объявшей меня.

Я очнулся, когда синие сумерки обволакивали горы, а воздух был холоден и крепок, как вино.

Вечерняя тишина и ни звука кругом.

Шатаясь, я добрел до обрыва и свесился вниз.

Там, у подошвы, темнела громада танка. Я, не отрываясь, смотрел на него.

И вдруг мне показалось, что он шевелится, поднимается и сейчас поползет сюда, управляемый, как «Летучий Голландец», своим мертвым капитаном. Ужас был так велик, что я закричал.

Эхо коротко вернуло мне мой крик и снова наступила тишина.

Я встал и побрел прочь, в полусознании, без цели, без желания, безразличный.

Только бы скорей отсюда, от этого проклятого места.

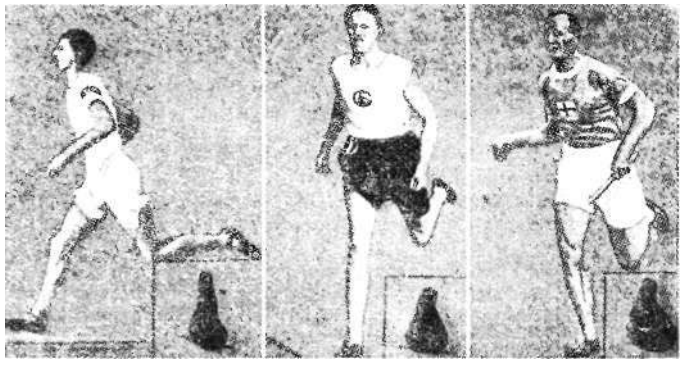
Я знаю, что скоро умру. Никакое чудо меня не спасет.

У меня на руках все чертежи, которые я составил по памяти, все описания, по которым можно построить танк полковника С.

Пусть они принесут пользу моей стране, которая в огненных страданиях, рожает миру новый мир.

СЕРДЦЕ СПОРТСМЕНА

Самый важный орган в человеке и животном — сердце. Величина его часто определяется теми требованиями, которые Оно должно выполнять. Сердце представляет собой прекрасный пример строгой согласованности всех органов, а именно: они так выглядят, как работают. У маленьких животных тело требует больше крови, оно сильнее растрачивает теплоту, почему и размер сердца их относительно больше. У всех людей, занимающихся спортом, сердце характерно увеличивается. Бегуны на короткие расстояния и атлеты легкого веса обычно узкого телосложения, почему в соответствии со всем общим строением тела у них и сердца узкие и вытянутые. Тогда как бегуны на далекие расстояния, «тяжелые» атлеты и боксеры, наоборот, (когда сразу от рождения, когда благоприобретенным путем отличаются всегда гигантских размеров сердцем. У хорошо сложенного нормального человека, сердце должно весить около 300 граммов, а в объеме быть равным его кулаку.



ВОЛК

Очерк ЛЕСНИКА

Рисунки И. ПАШКЕВИЧ

Терентий, пастух той деревни, где я жил летом, часто приходил пьяный к моей избушке и кричал:

— Эй, охотник! Помоги бога для. Убей ты мне его, дьявола, убей ради Христа. Сделай такую милость.

Иногда он выходил в комнатку и, обдавая меня запахом махорки и водочного перегара, презрительно объяснял:

— Нашим-то пьяницам все некогда, никто не идет. А он, смотри, опять жеребенка зарежет. Все ходит. Уж сделайте божескую милость. Будьте по гроб благодетелями.

Мне эти просьбы очень нравились: за настоящего охотника, значит, считаюсь. Лестно. Но я смущенно отказывался. Где уж мне с моим оружием выступать против матерого волка!

Я забивал заряд в свою одностволку отрезком толстой проволоки и со стыдом носил этот кусок в руках: у ружьишка не было помещения для шампола.

Впрочем, било очень жестоко и мою дичь, сидячих уток, хлестало наповал.

И вот, когда я с ружьем на плече, с проклятой проволокой в руках, шел на охоту, у Ямок, у можжевелевой заросли, под самой деревней я услышал отчаянный крик, а затем увидал бегущего ко мне Терентия.

Он задыхался, плакал и вопил:

— Зарезал, опять зарезал!.. Я на него вот этак: у, чтоб те розарвало! А он хоть бы что. Внимания не берет, мать пресвятая. Будь ты проклят, царица небесная!

Старик ругался, призывал всех святых, как он наступал на волка, а тот, слегка отбежав, возвращался к зарезанной овце и опять волочил ее... Смешно, жалко и страшно было смотреть на бессильную злобу к привычному врагу, на невольный ужас безоружного человека перед обнаглевшим зверем. Палка волку?! Есть от чего заплакать.

Один заряд утиной дроби в ружьишке пятнадцатилетнего стрелка — это тоже не слишком большая сила, но, если волк бежал от палки пастуха, то как отступить без выстрела охотнику? •

— Где он? — сказал я грозно, — давай, запалю... Не подпустит, пожалуй, и дробь мелка. Ну, да ладно.

— Сюда, сюда, голубок ты мой родной! Ты хоть пугни проклятину, хоть острастку дай ему, чтоб не ходил. Вот сюда на тропку, он тут ходит, тут ты притаись, а мы оттуда его шугнем. Уж сделайте милость, по гроб жисти благодарить будем.

Пастух убежал.

Затем послышались его ругательства, детский крик подпаска, озлобленный лай собаки...

Вдруг на тропинку между низкими кустами можжевельника выскочила огромная серая собака. Она не торопилась нисколько, на меня не посмотрела и, злобно поджав хвост, обернулась головой в ту сторону, откуда явилась.

— Это — волк? Почему у него желтые лапы?!.

В тумане странного волнения я смутно видел разинутую пасть... длинный красный язык и — в пяти шагах — выстрелил куда-то под серую лобастую морду...

Никак не мог я ожидать от своей одностволки подобного действия на такого крупного зверя!

Волк стал на дыбы во весь огромный рост, с ревом качаясь шагнул на задних лапах раза два-три, завыл, застонал и повалился.

— Охотник — что ж скрывать! — убежал.

Ему навстречу с поля на выстрел бежал пастух, подпасок, какие-то мальчишки, бабы. Затем явились мужики с кольями. Волка нашли скоро. Он, безобразно подпихиваясь задними лапами, уползал, забивался куда-то между кустами — бессмысленно и безнадежно: обе передние лапы его болтались перебитыми. Он не выл, не рычал, он, несомненно, хотел молча встретить явную, неизбежную смерть, но когда он, ляская зубами, яростно хватал и грыз траву, у него в горле что-то клокотало бешено и хрипло...

Волка прикончили кольями и унесли в деревню вместе с последней зарезанной им овцой. Во главе победного шествия рядом с героем дня шел пастух Терентий. Он кричал, плакал теперь уж от радости, предлагал свести меня в кабак выпить на общественный счет, орал про что-то по гроб жисти и расписывал восхищенной толпе чудеса про мою стрельбу, которой он не видал.

Волчья шкура, желтоватая, как бы вытертая, как бы подпаленная, летняя шкура волка много лет висела у меня на стене, затем спустилась на пол, ковром К кровати, служила долго и хорошо, потом исчезла...

Серые шкуры, отлично пушистые, беловатые меха, зимние шубы вполне вылинявших волков у меня со времени также побывали, ко после каких забот, расходов и ухищрений!

Правильная охота на волков производится несколькими способами.

Они все сложны, дороги и... и... мало достигают цели.

Летом, осенью, весной охоты на волка нет: он неуловим. Жилища у несемейного волка не бывает. Место для логова выбрано волчицей всегда так, что лучше не придумать. Это не нора, глупо выкопанная в земле, не наивная берлога в яме, откуда приходится вылезть на виду у врага головой вперед, это — гнездо в трущобе. Добраться до него постороннему трудно, а хозяевам выскочить из него и исчезнуть — да нет ничего проще!

Волчье логово устраивается чаще всего на дне оврага, иногда в промоине, в сухом русле ручья. «Дорога» к логовищу всегда закрыта, загромождена, завалена дромом, т.-е. всякими шумным хламом, какой только может быть в лесу. Сносят-ли волки его нарочно?

Кажется, нет, но местечко для жилья выбрано именно там, куда хворост, полусгнившие вершины деревьев, засохшие, вывороченные с корнями кусты как-будто сваливались в кучу десятки лет. Волк может между ними проскользнуть бесшумно, а человеку трудно не нагреметь, не обрушиться шумно с крутого берега оврага или ручья.

Само логово — груда ветвей и травы, принесенных уже, несомненно, нарочно, груда похожая на огромное воронье гнездо. Оно при благополучной семейной жизни никогда ни на миг не остается без неусыпной стражи. Если волчица ушла на добычу, сторожит волк.

Он нежнейший в мире отец, судя по тому, что пищу детям он приносит в собственном желудке.

Отрыгнув, он то, что грубо, с мелкими костями, съест сам или даст волчице, а нежное на половину переваренное мясо — деткам... Полдюжины таких детских «котлеток» однажды совсем свежие лежали рядом на песке пещеры, где было волчье логово. Двое охотников ползали по оврагу по заранее подмеченной и изученной дорожке, ползли чуть дыша и, как им казалось без малейшего шороха, но выводка на месте не оказалось: волчица и четверо щенят исчезли, не зашелестев ни листом. А когда те двое еще ползли, откуда-то сверху издали раздался короткий басистый вой... И один из двух, из тех, что ползли, прошептал:

— Старик. Узнал, пронюхал, подлец... Уйдут!

Так оно и вышло.

Волчицу иногда можно застать со слепыми щенятами. Она старается их унести, но, если не удалось, то ждет на смертный бой кого угодно.

Конечно, тут ее можно убить.

Конечно, бывает и так, что прежде чем волчата подрастут, матерой волк гибнет при каком-либо похождении. Тогда положение вдовы с маленькими трудно. Тогда щенят, толстых, лобастых, похожих на комки серого пуха, можно застать одних и унести. Но смотри в оба, кто осмелился на это! Волчица живо найдет след похитителя, догонит в миг, подкрадется змеей и... Тут уже необходимо ее убить, иначе она покажет, как воровать ее детей.

Волчата, повидимому, очень долго нуждаются в таком полу-переваренном корме. Почти годовалые волки, взрослые, сами уже охотятся, продолжают принимать приношения нежных родителей.

Если волчий вывод не потревожен на логове, то весной там опять волчица с щенятами «прибылыми», и тут же околачиваются обычно два-три еще каких-то, называемых переярками. Дети они этой волчицы, прибылые братья родные им, переяркам? Какое-то родство должно быть тут есть: старик матерой переярков прочь не гонит.

Глубокой осенью волки от логовища уходят прочь, но пока они еще не ушли, их подслушивают на вой. Молодые довольно легко отзываются на поданный им голос.

В эту пору на волков можно охотиться с гончими. Волк, старый, матерой могучий зверь бежит не только перед стаей собак, но удирает, поджав «полено» — так называется волчий хвост — от одной собаки. Породистый гончак, специалист по волку и лисе, учуяв волчий след по влажной «черной тропе» осеннего леса, повидимому, забывает все на свете. В его гоне по волку звучит особый задыхающийся хрип, далеко слышный охотнику.

Волк, мрачно опустив голову идет зорко оглядываясь, несмотря на страшную быстроту своего хода. За ним бурно несется самоотверженный гончак: он должен выгнать на выстрел трусливого подлеца, удирающего перед ним. И если охотнику удалось перехватить на перемычке эту погоню, повалить хищника удачным выстрелом, гончак счастлив, он прыгает в восторге при победном звуке медного рога. Но иногда случается, что яростно-хриплый лай, удалившись в лесную глубину, вдруг смолкает. Охотник трубит раз, два — лишь эхо отвечает вдали рокочущим звуком... Бегут по тому направлению, куда уклонилась погоня, отыскивают по еле видным приметам путь волка и собаки и находят... голову и клочья увлекшегося гончака.

Матерый ли зверь оборачивается на своего неосторожного преследователя, налетают ли откуда-то другие?

Не переярки ли, следя, как гонят их серого старика, несутся незримо, неслышно по сторонам гоньбы и, выскочив в решительную минуту, кладут конец игре?

Когда стан гончих стал редкостью, охота на волка с собакой начала вырождаться довольно давно; теперь едва ли не прекратилась совсем.

Охота на волков облавой во всяком случае многолюдна: на каждого стрелка полагается 8—10 загонщиков. Какая трата времени, труда! А надежд на успех очень мало. Облава возможна только зимой по снегу. Стрелок должен быть одет в белый балахон и вооружен отменно; не всякое, охотничье ружье хорошо бьет картечью, а волк на рану крепок.

Волк встал на дыбы, по весь огромный рост.

Стрелкам не сидеть же около леса в деревне в ожидании, иска волков обложат, т.-е. обойдут на лыжах широко крутом волчьего следа и обтянут его проволокой с кумачными флажками.

Значит, телеграммы, поездки, сборы, неудачи, отсрочки: все это деньги.

И стрелять в зимнего волка совсем не то, что в летнего тетеревенка: как в шапку на открытом поле — хлоп! Нет, тут надо уметь мгновенно влепить заряд в нечто серое, призрачно мелькнувшее в засыпанном снегом кусте.

При всем том часто получается провал.

За первую правильную волчью охоту я заплатил очень дорого — не только деньгами, но и позором, не забытым никогда.

— Почему не стреляли? — обиженно спросил меня по окончании загона «пскович» 1), сам поставивший меня на лаз

— А почем стрелять? — сердито ответил я, — стоял, стоял тут как болван в балахоне, замерз. Тьфу!

— На лазу стояли, — упорствовал пскович, — должны были волки на вас выйти.

— Мало ли кто что должен. Вот не вышли.

— Позвольте, мы даром денег не берем. Я сейчас.

Он побежал на лыжах, делая круг передо мной, и резко остановился у того самого куста, где чуть-чуть шевельнулась, осыпая инием, единственная ветка за все то время, как я в белом балахоне истуканом стоял среди белизны, неподвижности и молчания зимнего леса.

— Вот они все тут! — озлобленно-радостно закричал пскович. — Пожалуйте посмотреть. Вот волчица первой шла, гот тут она встряхнула ветку, спотыкнулась, вот переярок[2]), вот четверо прибылых[3]) прошли. Все тут были.

Он показывал следы каждого когтя на снегу, объяснял каждое пятно, каждую царапину. Я видел только свеже истоптанный множеством лап снег. Сомнений, однако, не оставалось никаких: волки сюда приходили, толпились тут, в полсотне шагов от меня, серые, средь бела дня, и незримо беззвучно исчезли.

— Я заплачу, — сказал я, подавленный очевидностью, — только, я ничего не понимаю: почему же я их не видал? Они должны были по-чистому пройти.

— Они и прошли. Как только они вас увидели...

— Они меня?! Как можно это знать?

— Самое простое дело. Вот до этого куста они шли рысью, а как вас увидали, поползли. Смотрите.

Действительно, на снегу виднелась свежая борозда, тянувшаяся шагов сорок через поляну.

— Они прямо на вас напоролись бы, — объяснял пскович, указывая на место моей бывшей стоянки, — им деваться некуда.

— Как же я не видал?

— А это уже я не знаю. Они, подлецы, в десяти шагах проползут. Снег рыхлый, он закопается и ползет, только уши торчат... Хитрые, подлецы!

Я молча стоял перед длинной, мягко осыпавшейся бо-

---

1) «Псковичами» называли особых мастеров по обкладыванию зверя — безразлично из Псковской, Новгородской, Тверской губерний. «Псковичи» вдвоем-втроем выставляли любого зверя в назначенную точку.

2) Годовалый волк.

3) Щенята текущего года.

роздой. Тут, зарываясь в сверкающий снег, проползли серые звери, перехитрившие меня...

Как сверкали их глаза, как шевелились острые уши, и в этих брюхах, скользивших по снегу, там должно быть трепетало что-то в роде смеха!

Волки сюда приходили, толпились тут.

— Вот тут опять ходом пошли, — кричал от куста пскович, — смотрите!

Но я уже не пошел туда. Провели за нос, серые воры, чего там смотреть!

— За выстрел берем, даром денег не берем, — повторял пскович, — это так оставить нельзя. Позвольте.

Он обнюхивал меня с головы до ног — шапку, валенки, балахон и пожал плечами.

— Запаха нет. Не иначе, как вы шевельнулись. Больше нечему быть.

— Ну, будет чепуху толочь: не шевелился я. Едем.

Тут пскович засунул пальцы в стволы моего ружья, поднес их к носу и багрово покраснел.

— Нет, это что ж, — оскорбленно проговорил он, не смотря на меня, — этак волка ждать нельзя. Это напрасно. Это не по-охотницки. Это последнее дело!..

— Да что такое?

Он не отвечая сунул мне под нос пальцы, выпачканные пороховым нагаром: после заячьей охоты, бывшей накануне, мое ружье осталось невычищенным. Этого оказалось достаточным, чтобы умные звери издали учуяли опасность и рассмотрев меня в упор, нахально проползли передо мной и как тени унеслись с привычного пути так, что я их не заметил.

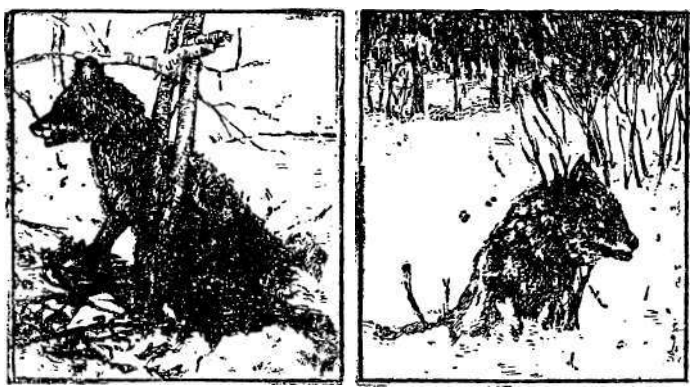
Пскович деньги за охоту с меня взял.

Он, видимо, презирал меня совершенно. Мы встречались потом не раз; убитые мною звери, казалось бы, удостоверяли, что я научился, как стоять на лазу, но пскович моего позора не простил мне никогда. Он, впрочем, — этакий ядовитый человек! — мой промах называл нежно: ошибочка тогда произошла.

По снегу волк в одиночку не ходит. Стая же волчья зверски хитра, по-собачьи умна и она чувствует человека так, как он сам себя чувствовать не может. При всей ее наглости волчья стая всегда неизменно острожна. Облава на волков дело хитрое, гораздо более сложное, чем охота с псковичами, почти всегда неудачное и даже при удаче несоразмерно дорогое. Перестрелять волков нельзя, их могут истребить капкан и яд 1*)* — дешевые средства, которыми волки, не остерегаясь человека, губят себя сами без «ошибочек».

Когда теперь случается читать о том, что на всем пространстве СССР волками зарезано только скота 780.000 голов на 15 1/2 миллионов рублей за один 1924 год [2]), что для борьбы с такой грозной опасностью предположены лишь кое-где облавы, тогда мне вспоминается... порыжевшая волчья шкура, так тепло щекотавшая ноги своего завоевателя. Мне тогда слышится бормотанье старого пастуха, его «сделте милость» и «по гроб жисти», острый запах можжевельника дышит мне в лицо жаром жгучего полдня, и я вижу, как серый зверь ползет, бесшумно забиваясь в глубь кустов...

Нет, облавы со всей их картечью для волчьих стай, пожалуй, даже менее страшны, чем незабвенная одностволка для летнего хищника, обнаглевшего у стада и случайно попавшего под выстрел мальчишки.



Их могут истребить капкан и яд.

1) В С-А. С. Ш. десять лет назад волков было столько, что пастбища от нападения хищников загораживались металлическими сетками. Затем волков истребили по плану, рассчитанному на 8 лет; для начала 400 инструкторов обучали население, как ставить капканы, класть отраву, устраивать проволочные петли, гнать волков на заостренные колья и проч. Теперь волчьей опасности в С.-А. С. Ш: не существует.

[2]) Бюллетень № 115 ЦСУ.

ГОВОРЯТ-ЛИ ПОПУГАИ?

О способностях попугая к разговору издавна существует масса анекдотов, более или менее удачных, более или менее правдивых. Наука же утверждает, что попугай не может говорить, ибо он не вникает в слова, которые он произносит. Точно также он не может сам находить слова и составлять фразу. Однако, некий доктор Целль сообщает несколько иные сведения:

«У двух сестер, которых я знаю несколько лет, — пишет он, — был попугай, который сразу же усвоил, что когда «бабушка спит», то он не должен ни шуметь, ни кричать. Обычно страшный болтун, он в это время не только сам замолкал, но кроме того и останавливал всякого другого нарушителя тишины, беспрестанно твердя при этом: Бабушка спит, бабушка спит».

Другой же случай вообще исключал какое-либо словоподражание и указывал на самостоятельную сообразительность птицы. Один мой старинный знакомый, будучи любителем животных, имел массу птиц, в числе которых находились также один скворец и собака. Этот скворец был большой искусник на разговоры. Однако, наиболее поразительно было то, что по приходе своего хозяина он как бы отдавал ему отчет во всем, что произошло за время его отсутствия. Обычно собаки всегда кажутся несчастливыми и скулят, если их хозяева уходят. То же самое проделывал и мопс моего друга. Привыкнув к этому, скворец однажды вдруг сказал «Мопсик ви-ви!» и с точностью воспроизвел жалобные звуки собаки. Изучением попугаев также занимался известный профессор натуралист Густав Иегер.

— Я жалею, — писал он, — серого австралийского попугая, 10 лет прожившего среди нас. Я вовсе не хочу сказать, что всех, кого он знал подольше, он либо называл их именами, либо поправлял, если они случайно в разговоре, как-нибудь называли сами себя иначе. Надо заметит, что людей он называл так же, как и мы животных: т.-е. по тем данным, какими они представляются ему. Напр., кукушку мы прозвали за ее крик «ку-ку». Точно также и попугай назовет того «Яковом» или «Петром», кто ему представится под этими именами. «Дурак!» крикнет попугаю мальчишка с улицы и сам на себя наденет этот незавидный чин. Моя жена любит называть попугая «Пташенькой» и теперь он всегда зовет ее «Пташенькой». Но как-то с улицы или же от детей он научился слову «трепло» и не только простому звуку этого слова, но и его ругательному смыслу, ибо всегда употреблял его, когда делали не так, как ему хотелось. И как-то он поразил нас тем, что принялся ругать мою жену «трепло-птаха», — такого сопоставления я никогда не слыхал, да и никто не мог сказать ему этого, меньше всего моя жена. Таким образом, выяснилось, что птица изобрела новое сопоставление и доказала, что понимает смысл его.

Этот ученый полагает, что многие попугаи болтают бессмыслицу только потому, что получают абсолютно неправильное воспитание. Их хозяева в погоне за одной забавой заставляют проделывать их много нелепостей. Смышленным же попугаям, находящимся в умелых руках, конечно, никак нельзя отказать в сообразительности, хотя у них и отсутствует свойственный человеку разум.

БИТВА ПОД ВОДОЙ

(Водолаз против осьминога).

Страшные истории о встречах с гигантскими осьминогами, этими жуткими чудовищами морских глубин, известны еще со времени финикийских мореплавателей. В своих «Труженниках моря» Виктор Гюго дает яркое описание битвы между человеком и осьминогом. Теперь мы имеем действительный рассказ о подобной встрече, едва не закончившейся роковым образом, происшедшей весной прошлого года в Америке, в порте Таупсенд, штата Вашингтон. Герой этой истории водолаз-профессионал А. Е. Хук, был атакован гигантским осьминогом на дне моря и там убил его после кошмарной битвы, продолжавшейся более часа.

История произошла в конце мая 1927 г. на такой глубине, что трое людей, следивших за сигнальными веревками и воздушными трубками Хука на барже наверху, были в полном неведении о происходящем, пока водолаз не дал сигнала поднять себя на поверхность.

Когда он поднялся, его левая нога была обвита щупальцем в 14 футов длиной и У футов другого цепко обвивали его корпус вплоть до подмышек. По этим кускам, которые Хук отсек от тела чудовища во время битвы, зоологи из Вашингтонского университета определили, что пять длинных щупалец осьминога, с которым имел дело Хук, должны были быть не менее 18 футов длиной, а три коротких имели в длину не менее 16 футов каждое.

Тело чудовища, по описанию Хука и заключению экспертов, было приблизительно 6 футов длиной и 7—8 в диаметре, с глазами, величиною с блюдечко и твердым роговым клювом в 15 или 18 дюймов при 8 или 10 дюймах толщины в основании. Короче говоря, противник Хука может считаться одним из самых больших осьминогов, которые когда-либо видел) человек. Водолаз так искрошил своего врага в сражении, что за исключением упомянутых двух пальцев от него мало что осталось. Эти щупальцы были в своей самой толстой части более трех дюймов; присоски, которыми они обильно усеяны, были каждая диаметром в 1—3 дюйма.

Получив задание починить заграждение на рыбных промыслах, Хук спустился под воду на глубину в 50 футов в Педжегг-Саунд. Вследствие низкой температуры воды, он одел полный водолазный костюм, вместо одного только шлема, который он обычно одевал при такого рода работах. С собой он взял переносный электрический фонарь и «пиви» — род копья особой конструкции с длинной дубовой ручкой и стальным наконечником, плоским, как лопатка. Это обычное орудие водолазов, которое они употребляют, как рычаг для поднятия бревен и камней и в качестве топора для рубки сгнившего леса. Зная, что на дне он встретит большое количество гнилых свай, Хук потратил накануне весь вечер на точку своего «пиви». пока его конец и оба лезвия не стали острыми, как бритва. Этому обстоятельству и тому, что на нем был одет полный водолазный костюм, он, возможно, обязан своей жизнью.

Покинув свою баржу, Хук быстро спустился на дно Педжет-Саунда, повесил фонарь на одну из балок заграждения, проверил воздушные и сигнальные трубки и приступил к работе. Здесь мы позволим себе передать рассказ самому Хуку.

— Я только что собирался дать наверх сигнал, чтобы мне прислали сваю потяжелее, на место той, которую я снял, когда я заметил в темноте и мраке за гранью освещенного крута, который бросал мой фонарь, белое пятно, Его неправильные очертания, волнуясь и колеблясь, приближались ко мне. Предполагая, что это белое брюхо большого палтуса, я не стал давать сигнала, а взяв свою «пиви», намеревался убить добычу.

Каково же было однако, мое удивленней ужас, когда всмотревшись, я увидел перед собой бледное лицо мертвеца, с широко раскрытыми глазами и руками, которые вода вздымала то вверх, то вниз. Белое пятно, которое я заметил первом, было лохмотьями передника, колеблющегося за его плечами.

Встревоженный и испуганный, я направился было к сигнальной веревке, но в этот момент над телом мертвеца появилась огромная масса с двумя большими неподвижно глядящими глазами и клювом, напоминающими чудовищного орла. Я тотчас узнал в чудовище осьминога; однако, он был в три или четыре раза больше, чем я когда-либо видел в течение своей работы в заливе королевы Шарлотты, где эти животные водятся в изобилии и достигают громадной величины.

Передвигаясь в воде на четырех своих щупальцах, отвратительное создание простирало вперед две огромных руки, если их можно так назвать. В двух других я заметил тело человека, которого оно несло, как некий ужасный подъемный кран, несущий железные стропила. Мне не стыдно сознаться, что я был испуган, страшно испуган. Но одна мысль о том, что и мне предстоит участь быть схваченным и -съеденным этим вампиром морей, вызвала во мне омерзение; я тотчас же стал совершенно спокоен. Теперь я решил убить осьминога и освободить тело мертвеца. Мое «пиви», благодаря его легкой деревянной рукоятке и тяжелому стальному острию, было чудесным оружием. Со своим только что отточенным наконечником, оно было даже лучше копья или гарпуна, т. к. я мог им резать также хорошо, как наносить удары.

Я был в тени, вне того круга мрачного света, который бросал мой электрический фонарь, и я знал, что осьминог меня еще не видит. Возможно, что именно этот необычный свет привлек животное в то время, когда оно направлялось с добычей в свое логовище. Во всяком случае,

создание продолжало двигаться вперед, пока одно из его щупалец, вытянутое во всю его длину, не заколебалось над моей головой и его тело было не более, чем в двенадцати футах от меня.

Старые водолазы советовали мне, если на меня когда-нибудь нападет осьминог, прежде всего стараться отсечь его щупалец ножом для акул, который каждый водолаз имеет всегда при себе. Я пренебрег, однако, этим правилом и, бросившись вперед настолько быстро, насколько позволили это мои свинцовые подошвы, ударил своей «пиви» прямо в злобное чудовища. Не расчитав расстояния, я только скользнул лезвием по одному из щупалец, которые держали мертвеца и заметил, что его движения стали странными, как будто осьминог потерял над ними контроль.

Прежде, чем я успел вытащить свою «пиви» обратно для нового удара, одно из щупалец, тянувшееся по дну, схватило мою ногу. Я старался освободиться из всех сил,— я вешу почти шесть пудов и нахожусь в цветущем здоровьи, но я почувствовал себя ребенком, попавшим в хобот слона. Кольцо за кольцом обвивалось вокруг моей ноги и сжимало ее с такой мощью, что я уверен, что только мой крепкий водолазный костюм из прорезиненной ткани не дал оторвать ее по колено. Постепенно железные кольца подымались все выше и выше, достигая бедра.

Все это произошло с такой быстротой, что я успел только один раз ударить по щупальцу и то мимо. В то же время другое, как какая-то страшная змея, двигалось сверху, пытаясь схватить мою правую руку или «пиви». Одновременно вода кругом стала темной, как чернила. Осьминог выбросил свою защитную чернильную жидкость и даже лучи моего сильного фонаря не могли проникнуть в эту тьму.

Размахивая лезвием «пиви» над собой и своим шлемом, я к счастью задел щупальце, которое опускалось на меня. Отточенное лезвие прорезало его насквозь и я заметил, как оно отделилось от тела его обладателя. В тоже время движение моего оружия взволновали воду, помогая разогнать выпущенную животным чернильную жидкость и я смог увидеть неподвижно устремленные ужасные глаза и огромный клюв не более, чем в двух футах от моего лица.

Быстрым ударом я вонзил острие под этот клюв и, охватив рукоятку своего оружия обеими руками, поднял его кверху. Оно как бритва приникло в осьминога и две трети его тела с верхней частью клюва и обоими полными злобы глазами были отрезаны. Этот поистине счастливый удар рассек чудовище пополам. Но битва еще не была окончена. Сверху из воды надвигалось другое щупальце, казавшееся длиннее остальных, и прежде, чем я смог его отрубить, оно обернулось вокруг моей левой руки и охватывало уже мою талию. Таким образом, левая рука и нога оказались во власти осьминога. Если бы на мне не было полного водолазного костюма, я бы погиб, так как сосущая сила этих тысяч присосков даже через резину проникала в мои члены. Но все же, я, наконец, был свободен на время от угрозы страшных щупалец справа и от клюва перед собой.

Схватив свою «пиви» ближе *к* лезвию, я рискуя порезать свой костюм, со всей силы' провел оружием между моей левой рукой и корпусом. Удача мне сопутствовала и я отрезал щупальце, привязавшее мою левую руку к телу. Хотя рука и была еще охвачена осьминогом, но она была достаточно освобождена, чтобы помогать правой, а главное, — мой корпус был свободен от щупальца, хотя отдельные его части так цепко висели на нем, что были сняты впоследствии только людьми на барже.

Взяв «пиви» еще ближе к наконечнику, я начал рубить в центре извивавшихся щупалец, стараясь все время избегать отрезать одно, оставшееся целым, которое все еще держало мертвое тело, чтобы освобожденное оно не уплыло и не осталось неузнанным.

Скоро я еще отрубил одно щупальце. Тогда я обратился к тому, которое держало мою левую ногу. Хотя оно и не тянуло меня уже к тому, что осталось от осьминога, но тем не менее, оно так крепко ее охватывало, что также оставалось на ней до тех пор, пока его не сняли мои помощники.

Наконец, я был свободен. Одно из щупалец осьминога оставалось глубоко в тинистом дне, часть другого все еще цеплялось вокруг нижней части моего корпуса, а третье конвульсивно корчилось, обхватив мертвеца. Снова атаковал я чудовище, отрубив сперва то щупальце, которое было свободно, затем то, которое зарылось в тину, и, наконец то, которое держало тело. Затем я отнес тело к основанию заграждения и укрепил между двумя сваями.

Только теперь я дал сигнал поднять себя наверх. Когда очутился на барже, я нашел одного из своих помощников, готовящимся одеть свой водолазный костюм, чтобы выяснить, что такое случилось со мной.

- Почему же вы не сигнализировали? — спросил я.

— Мы это делали, но не получали ответа.

По-видимому, я был так поглощен битвой, что не обращал внимания на дерганье веревки, или принимал их за толчки от щупальцев осьминога.

Когда я рассказал о сражении, они были поражены. Их изумление еще более возросло, когда стараясь освободить мою ногу от щупальца, они увидели, что оно противостоит об'единенным усилиям всех троих. Брошенные на палубу, разрезанные куски продолжали извиваться, как змеи.

Через час я спустился снова и поднял наверх тело мертвого человека. Как только я его рассмотрел, я, к своему изумлению, узнал в нем своего старого друга Генри Гилей, повара с буксира «Воррен», который неделю тому назад затонул в проливе Туана де Фука. Повидимому, одетый в свой белый передник, он работал на кухне, когда буксир пошел ко дну со всеми находившимся на борту. Этот передник, как я теперь понял, и был тем самым белым пятном, которое первым заставило меня обратить внимание на осьминога, и может быть спасло мне жизнь.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ СЭМА ЛЛОЙДА

ЗАГАДОЧНАЯ БУКВА А.

Помещая цифру 1 перед числом из пяти цифр, обозначаемым буквой А, мы увеличиваем его на 100.000. Поэтому вновь полученное число можно будет выразить так: А + 100,000.

Цифра 1, поставленная позади загадочного числа А (результат того, что А + 100,000 было помножено на 3) означает, что А было помножено на 10 и к этому произведению прибавлен 1.

Следовательно, можно составить уравнение: 3 (+100.000=10 А + 1. Решив его, получим: А = 42,857.

ПОСТРОЙКА ДОМА.

Обойщик спрашивал за СБОЮ работу 200 долл.: маляр— 900 долл.; паяльщик—800 долл.; электротехник—300 долл.; плотник — 3.000 долл.; а каменщик—2.300 долларов,.

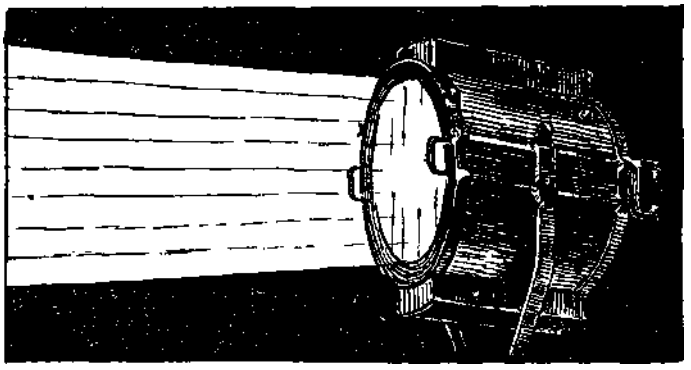
БАЗАРНАЯ КОРЗИНА.

В прежние времена, согласно свидетельству м-сс Миллер, она могла бы наполнить свою корзину и еще одну треть такой же. корзины за две трети стоимости полной корзины по теперешним ценам. Следовательно, полная корзина сейчас обходится в два раза дороже, чем в прежние дни.

Она сказала, что прежняя стоимость полной корзины была на пять долларов меньше, чем теперь, а так как эти пять долларов представляют снижение на 50 процентов, вся стоимость полной корзины в наши дни равна 10 долларам, а в прежние времена равнялась 5 долларам.

БОРЬБА СВЕТОМ
(Прожектора)

Темная ночь. В самых разнообразных позах, — то сидя, скорчившись и зажав между коленами винтовки, то полулежа, прижавшись к мокрому от дождей выступу «траверса»,— спят в окопах стрелки, утомленные продолжительным боем, который затих только с наступлением темноты Трудно охранять в такую темноту сон роты. Трудно потому, что, как ни всматривайся в сумрак ночи, все равно ничего не увидишь. А нервы натянуты и в простом шорохе прошлогодней сухой травы чудятся шаги подбирающейся

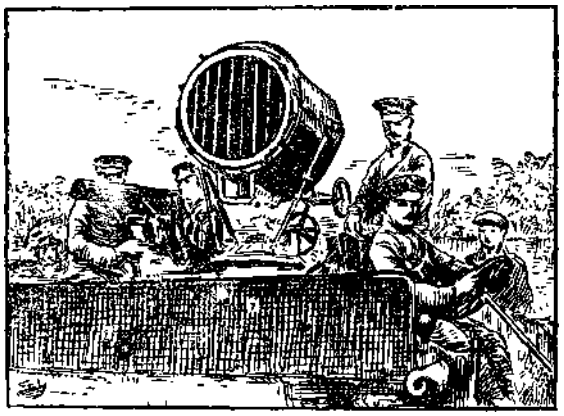


Прожектор

неприятельской разведывательной партии, а куст там вдали принимает самые причудливые очертания и заставляет еще напряженее вглядываться вперед.

Вдруг позади, в недалеком тылу, блеснул ослепительный свет, и яркая голубоватая полоса, прорезав темноту ночи, забегала яркими пятнами, по неприятельским окопам. И сразу же легче стало на душе у боевого охранения, и даже спящие, кажется, уснули спокойнее. Прожектор бодрствует за всех и оберегает сон стрелков. Мгновение— и погас яркий сноп света; опять окутал все мрак.

Но вот вдали явственно послышалось характерное гудение. Оно все слышнее и слышнее, и теперь уже не может быть сомнения: это летит неприятельский самолет, словно сова, видящими в темноте глазами озираясь вокруг. Миг — и опять зажегся голубой свет прожектора, за ним — другой, третий, и длинные лучи озабоченно забегали по темному небу, то сходясь, то расходясь в поисках воздушного врага. Но он неуловим, этот враг, и тщетно рыщут по небу светлые полосы, силясь найти несущийся в пространстве аппарат.

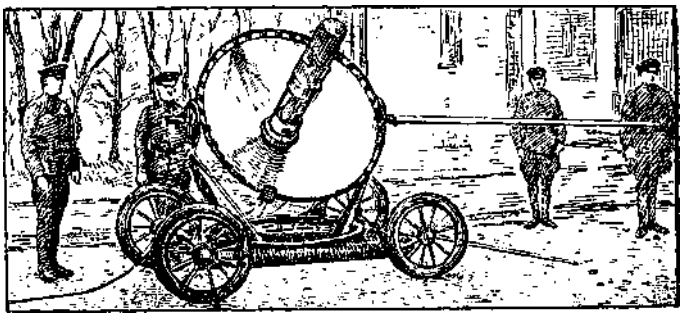


Прожектор с пулеметом.

А жужжание пропеллера все ближе, все слышнее... Вдруг один из лучей быстро забегал по небольшому пространству и, словно затрепетав, замер, остановился и тотчас же к нему устремились лучи других прожекторов, точь в точь так, как ребятишки в лесу сломя голову кидаются **на** крик: «сюда, сюда! гляньте-ка какой большой гриб нашел!»... И в центре светлого пятна пересечения лучей 3-х прожекторов ясно вырисовалась черная точка неприятельского самолета. И сразу же роли врагов переменились: теперь соединившиеся лучи прожекторов уже не суетливо и озабоченно, а словно торжествуя свою победу, медленно и уверенно движутся по небу, не выпуская из наблюдения неприятельский самолет. А он, этот воздушный разведчик, растерянно мечется по воздуху, и кажется, в гудении пропеллера уже нет прежнего спокойного, уверенного тона. Положение летчика незавидное. Луч прожектора, когда тот со своим аппаратом попадает в его, не только ослепляет и лишает его способности ориентироваться по земным предметам, но и отчаянно действует на его психику. Самолет летит все менее и менее уверенно, а затем видя, что прожектор не обнаруживает ни малейшей склонности выпустить его из центра яркого пятна, описывает крутую дугу и с все затихающим сердитым гудением, словно спугнутый шмель, уходит обратно, не выполнив своей задачи. Но прожекторам, кажется, так и не дадут отдохнуть в эту ночь. Не успели они прогнать неприятельский аэроплан, как уже снова понадобилась их помощь.

Тяжелая 107-миллиметровая батарея получила задачу— обстрелять деревню в неприятельском тылу, где, по указанию разведки, расположился резерв вражеской дивизии.

Командир батареи с наблюдательного пункта при помощи особых приемов направляет на деревню перекрещивающиеся лучи двух прожекторов, **и** через несколько минут грохот выстрела разрывает тишину ночи, и, шипя **и** точно злясь на кого-то, понеслась в деревню бомба.



Зенитный прожектор.

Боевая служба прожектора в современной войне и велика и разнообразна.

Часто случается, напр., что «через головы» вклинившегося в наше расположение врага надо послать в соседний полк телеграмму, а радио не действует. Прожектор сразу находит выход из положения. При помощи открывания и закрывания «жалюзи» — особой створчатой дверки — на большие или меньшие промежутки времени, по принципу телеграфной азбуки Морзе, можно послать соседу телеграмму, не хуже, чем по радио-телеграфу. Прожектором можно пользоваться также и для связи на очень большие расстояния, освещая верхние слои облаков; эти яркие блики наблюдают на приемной станции соседа, и таким образом принимают «прожекторную телеграмму».

Но бывает иногда и так, что неприятельский прожектор вознамерится вдруг прогнать наш или вступить с ним в борьбу. Эта борьба основана на том, что луч более слабого прожектора не может проникнуть через полосу света, более сильного. Такой поединок прожекторов обыкновенно кончается тем, что прожектор-победитель принуждает своего противника отказаться от дальнейшей борьбы и закрыть свое жалюзи.

Так в паше время электрический свет работает на войне, как средство борьбы.

С. Бартенев.

Издатель: "Красная Газета". **РЕД КОЛЛЕГИЯ С. Гисин, Е. Лавров, А. Лебеденко, Г. Ржанов, П. Чагин.**

Ленинградский Областлит № 5055. **Типография «Красной Газеты» им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.** **Зак. № 2571. Тираж 120.500 экз.**

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

не следует изучать по устарелым МЕТОДАМ. Наилучшим признан новейший метод Мертнера, не требующий заучивания слов и правил. **Самоучитель немецкого яз.**, состоящий из 10 выпусков, в обработке Б. Шмелева, допущ. Госуд. Ученым Советом, высылается за 2 р. 85 к. **Курс английского яз. в 60 лекциях** высыл. за 3 р. 15 к. Адр.: Москва, ул. Герцена, 22/17.

Книжное дело „Просвещение".

НОВАЯ КНИГА

ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

САМОУЧИТЕЛЬ всех ремесел в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., перепл., кузнечные, слесарные, паяние, лужение, никелиров., овчин., мыловар., веревочные, крахмал., зеркал., обувн., гончарн., печн., маляри., штукатурн., изготов. радиоприем. 148 рис. Цена с пересылкой **3** руб. **50** коп. Можно посылать мелк. почт. марками.

Книжный склад „КНИГОВЕД"
Москва, 19, улица Герцена, 22/27.

ХОЗ. ДЕЛА в 1.500 руб. год. зарабатка каждое. **Сбери-способов зажиточной жизни.** 2 кн. и 2 прейскуранта—желающ. заработка—2 руб., прс. 65 к. н/пл. высыл.: Скл. П. Мартынова, Мещан. 6 1161. Москва.

ИЗДАНИЕ 1925 ГОДА

АЛЬБОМ РИСУНКОВ

художника А. А. ТАРАКАНОВА

ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ ИЗ ДЕРЕВА.

30 листов большого формата (67 × 41 см), в изящной папке. Цена с пересылкой 3 р. 60 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение".

НОВИНКИ!

Евдокимов. Практическая фотография, в 3 частях, 384 стр. 129 рис. 3 р. ❁ **Его же.** Как получить хороший негатив. 80 к. ❁ **Рудь.** 2.000 практич. технохимич. рецептов. 3 р. 50 к. ❁ **Дедрина.** Кухня на плите и примусе. 550 мясных и вегетариан. блюд. 1 р. 20 к. ❁ **Фентеклюз.** Ветродвигатели для мельниц, водокачек, станков и электростанц. 176 стр. 2 р. 50 к. ❁ **Нивин.** Мое водолечение. 1 р. 25 к. ❁ **Яковзон.** Онанизм у мужчины и женщины. 2 р. 50 к. ❁ **Федоров.** Домашний ремесленник. Все ремесла в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., перепл., кузнечн., слесарн., паяние, лужение, никелиров., овчин., мылов., веревочн., крахмал., зеркал., обувн., гончарн., печн., маляри., штукатурн., изготов. радиоприемн. 3 р.

НОВЫЙ АЛЬБОМ **РИСУНКОВ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ** из дерева. Около 250 деталей на 30 листах. Состав. художн. Тараканов. 3 р. (с пересылкой 3 р. 50 к.) Цены без пересылки. Высылает наложен. платеж.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **А. С. СТЕПАНОВА**

ЛЕНИНГРАД, 28, просп. Володарского, 31.

Комбинированный усовершенствованный

СЧЕТЧИК

Цена 50 коп.

Доступен всем без затраты труда, без наставления, дает готовые результаты умножения, делений, вычисления процентов, автоматически. Высыл. немедл. по получ. заказа и **5** коп. За перес. и упак. **17** коп., всего **67** коп. (можно марк.). Заказы и деньги направлять Москва, Почтамт, почтовый ящик 1.083, автору А. И. ЦУКЕРШТЕЙНУ.

НОВАЯ КНИГА

САМОУЧИТЕЛЬ

кройки **МУЖСКОГО** платья

с 73 рисунками и чертежами. Цена **1** руб. **80** коп., с пересылк. **2** руб. Москва, ул. Герцена, 22/27. КНИЖНЫЙ СКЛАД „КНИГОВЕД".

ПОЛНАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ ШКОЛА ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ

В ТРЕХ КНИГАХ.

С многочисленными рисунками. Перевод нового популярного труда немецкого ученого Ганса Гюнтера Все книги напечатаны и высылаются за 5 р. 50 к. Заказы и деньги адресовать: Москва, улица Герцена, д. 22/17. Книжное дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ".

КРАСНАЯ ГАЗЕТА

Фонтанка, 57. Тел. ф. 603-41.

ФОТО-ЦИНКОГРАФИЯ

оборудована по последнему слову техники заграничной фото-аппаратурой и машинами.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ и СРОЧНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ НА

трехцветки, дуплекс, автотипные и штриховые

КЛИШЕ

ЧИТАЙТЕ

самый дешевый

единств. в СССР юмористический

ЖУРНАЛ

ПУШКА

Цена отд. № 5 коп.

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ЖУРНАЛ „ВОКРУГ СВЕТА"

Изд-во „КРАСНАЯ ГАЗЕТА",
Ленинград, проспект 25-го Октября, д. № 68, тел. 187-99.
В Москве, Советская пл., 31, тел. 4-18-65.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА"

Вышла и поступила в продажу

новая книга

К. ЧУКОВСКИЙ

МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ

СОДЕРЖАНИЕ:

ДЕТСКИЙ ЯЗЫК. — ЭКИКИКИ. ЛЕПЫЕ НЕЛЕПИЦЫ.

95 стр. 21 иллюстрация. Двухкрасочная обложка.

Цена 1 рубль

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57.

Глав. Контора Изд-ва „КР. ГАЗЕТА".

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Е. НОСКОВОЙ

„ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО"

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи по вопросам рационального ведения домашнего хозяйства. — **Уход за жильем.— Электричество в домашнем хозяйстве. — Отопление. — Важнейшие продукты питания.**

КУЛИНАРИЯ

ЗАГОТОВКИ И ЗАПАСЫ ПРОДУКТОВ

Цена **75** коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Издательству „Красная Газета".

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Вокруг Света

О ПЕРВОМ РОЗЫГРЫШЕ ПРЕМИЙ.

С этим номером (девятым) всем подписчикам, получающим журнал непосредственно от Издательства (с наклейкой), рассылается выигрышный билет на право участия в первом розыгрыше. Билет вклеен перед первой страницей текста.

Подписчик, подписавшийся через Почтовое Отделение или контрагентства Издательства, Отделения „Правда", „Известия" и т. д., получают билет через организации, доставляющие ему журнал.

Для этой цели Издательство одновременно с девятым номером журнала разослало своим контрагентам, а также почтовым отделениям, билеты, по количеству имеющихся у них подписчиков.

Подписчики должны требовать билеты лишь по месту подписки.

В первом розыгрыше участвуют подписчики: а) годовые и полугодовые с приложениями и без приложений, и б) трехмесячные подписчики с приложениями.

РОЗЫГРЫШ СОСТОИТСЯ 18 МАРТА 1928 г., в 2 ч. д., в Ленинграде, в клубе имени Володарского (Чернышев пер.. № 3).

К участию в производстве розыгрыша приглашаются подписчики.

О ПОДПИСАВШИХСЯ ПОСЛЕ 1-го ЯНВАРЯ,

Большое количество дополнительной подписки на „ВОКРУГ СВЕТА" с приложениями с 1-го января 1928 года, колоссальный рост тиража вообще, несколько задерживает посылку январьских номеров и приложений.

Издательство доводит до сведения подписчиков, что номера текущего месяца и приложения к ним высылаются тут же по получении заказа, а январьские номера будут высланы несколько позже, — комплектом.

Подписчики могут быть совершенно спокойны в получении всех причитающихся им №№ журнала и приложений.

Письма и запросы по этому поводу излишни, т. к. разбор их оттягивает своевременную оправку комплектов.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ ЗА 1927 ГОД,

За прошлый год подписчикам не были досланы **три** приложения, №№ 15, 16 и 17.

№ 15 — (Альбом Англии) разослан подписчикам 31-го января.

№ 16 — (В мастерской спортсмена) разослано подписчикам 29-го февраля.

№ 17 — (Велосипед) будет разослано 10-го марта.

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ (платных) ПРИЛОЖЕНИЯХ,

Г. Уэллс, Д. Кервуд и К. Дойль.

Первая книга Г. Уэллса — „Остров доктора Мора" — разослана 25-го февраля. Первая книга Д. Кервуда — „Бродяги Севера" — разослана 3-го марта. Первая книга Конан Дойля рассылается 10-го марта.

В марте будут также высланы по одной книге Г. Уэллса, Д. Кервуда и Конан-Дойля.

О Ж А Л О Б А Х.

Подписчик, почему-либо неаккуратно получающий журнал, должен заявить об этом по месту подписки.

Подписчики, переславшие деньги непосредственно в Издательство, должны присылать ярлык (наклейку), по которому им присылается журнал; это ускорит ответ и выполнение.